

История нем. литературы XVIII века.

это больше всего выражается духом, отъ называеъ
ность органовъ понятиливости и предсказуемости.
носки. Новая наука (хотя физиологического замъ,
малые до Ласкара: Порта, Тюарте, даже Ариосто,
зель, а одковре. нетно отъ ниль: Лессингъ, Тернеръ,
чи, Цицеронъ) ильла больше всего ценитъ
у массы, знадой до всего нового и замечательна,
го, но серьезные умы снотдлелъ надъ ученіемъ
Ласкара, а берлинская академія осудила въ 1775 г.
его ученіе, признавая невозможнымъ найти нрѣ,
ное отношеніе между духова и физиологическимъ.

Ласкарь, проповѣдникъ, поэтъ и швейцарскій
патриотъ, весь шиль второй во Христа и мотовъ
ко Христу; отъ прошенъ Терманно и осаровывалъ
бестель, кто отъ ниль сблизилъ; и Тѣе изъ чудидъ,
ны посолалъ ему свои привоуховія. Своимъ по-
вызкою гизагъ характеры людей по ниль мизанъ,
и своими физиологическими отрывками (фру,
проупоминъ Фридрихъ), которые были поведе,
ны зрой поведе и въ козориль отъ, при поно,
щи Тѣе, издалъ и исполковалъ множество пор-
зрезовъ современниковъ и умершихъ, Ласкарь емъ,
ко подилъ гувезво индивидуального и возбудилъ
къ соревнованію поэтическое искусство характери-
срики, хотя ему самому въ его многочисленныхъ
литературныхъ зрудаль не удалоъ создать ни одного
прочнаго художественнаго произведенія. Губе къ
индивидуальному и видъ мягкаго геловъ, колто,
бидъ, которые его озрипали, въродуно дали ему силу
покорѣ сердца. Но ревноеъ къ обращенію про.

бывалась. Втора выродилась въ суетворіе. Она по,
сходного надѣялась на новый чудеса и подавала
возможныя чудозворцаиы, сумасбродствы и плутокы,
какъ Калиостро и Крисчоръ Кауфмановъ. Приви,
донія снова попали въ руки не только въ поэзіи,
онъ и въ жизни получили новый кредитъ и
иновъ плахили звонкой монетой. Лафазеръ соеди,
нѣль въ себѣ удивительнѣйшія прозривополюсно,
сзи. Онъ имѣлъ безпредѣльную фантазію и рѣ,
дова ея зрѣло глубокое губерво, была геніальна и
имѣла большой поэтическій талантъ, но безъ худо,
тественной умѣренности, богаты идеями, мыслими и
имѣла знаменитый даръ наблюденія, но безъ спо,
коисрвія и ясности. Его стиль - какъ онъ самъ:
сзраженъ, сзраженъ, но силѣнъ и въ отдѣльныхъ
загазую очень удаченъ. ~~Текстуривантъ~~ и полонъ
бодобовенія. Какъ уже сказано, Лафазеръ умеръ
оу рѣны. По смерти его вышли еще „Lafazer's
nachgelassene Schriften“, и здѣсь его Тексеръ напи,
саль въ зрѣло зомѣль его Биографію.

На русскомъ языкѣ есть, Новѣйшій, полный
и одобреный списокъ, какъ узнавать каждаго
человѣка свайерва, нравы и чина, по его сложе,
нію сог. Лафазера; два изданія 1809 и 1817г.

Судьба другого ученика Клопштокса была еще
печальнѣе. Хрисіанъ Даниель Шубартъ (Christ.
Fr. Daniel Schubart), родился въ Оберзонгеймѣ
въ Швабін въ 1743г., и получилъ воспитаніе подъ
руководствомъ отца, школьнаго учителя и дирек.,
гора музыки въ Ахенѣ. Въ детствѣ онъ разви,

1743 + 1791.

валея крайне медленно и даже слоблы за идіота,
 обнаруживая способность только къ музыкѣ. Въ оз.
 рочесствѣ однако полюбилъ члв. молодого чловчкѣ
 обнаружилъ, и отъ началъ писать поэмн, съ цѣлью
 перекладывать ихъ на музыку. Въ юномъ своемъ го.
 да въ отъ сталъ заниматься богословіемъ (въ Дрлмн,
 гентѣ въ 1758); потомъ былъ домашнимъ учителемъ
 въ Кеннедброннѣ и въ 1762 г. взлчл мнѣхѣ учите.
 лѣ и органиста въ (Тейселингентѣ, потомъ въ 1763 г.
 былъ органистомъ и директоромъ музыки въ Люд.
 вигсбургѣ. Но въ натурѣ его, наряду со сурьменн,
 дилн къ серьезнымъ занятіямъ, лежала склон.,
 поехъ къ безпорядочной жизни. Отъ бросилъ те.
 ну и друзей и дошелъ до того, что попалъ въ зорь.
 му. Скидаясь по разнымъ городамъ (Тейсбронну,
 Тейденсбергу, Мангейму, Мюнхену, Лугсбургу
 и Цльму), Шубаръ заставлялъ себя зѣ съ хорошей
 стороны своими талантами (поэза, музыканта
 и декламатора), зѣ долготѣ былъ съ пофоромъ
 искалъ новаго уютіища, преллѣдцельнй за свои
 пороки. Иногда отъ пользовался расположені.
 емъ коронованкѣль осадъ, напр. курфюрера
 Баварскаго, но и зуръ, послѣ многихъ знаковъ
 милосердія, былъ со сродомъ изгнанъ изъ его вл.,
 дтнн. Своей блесднцей порой его жизни были
 нѣсколько мѣзъ, проведенныхъ въ Лугсбургѣ,
 гдѣ отъ издавалъ, надглавнй въ свое время
 много шума, журналъ подъ заглавіемъ, Deutsche
Chronik ("Нѣмецкая Хроника"). Въ немъ проно,
 выдвигалъ крайне либеральныя идеи о правахъ,

политикта и въ особенноеи пропаганда прозуба
 иезуитовъ. Политическiя увлеченiя и преслѣдова-
 нiя духовенства довели его до заторьны на Тоген,
 астерго въ Вюртембергъ, въ которой онъ провелъ
 десять самыхъ зѣлельныхъ лѣтъ. Освобожденный
 наставникомъ прусскаго двора и обиднымъ голосомъ
 негодованiя вѣтъ ивельныхъ людей Терманн,
 Шударъ получилъ много директора придворной
 музыки въ зольне Вюртембергъ, откуда его
 не хотѣли вѣнцезеръ, изъ бѣдныи его обличия,
 зельныхъ ерапей, въ случаѣ, если онъ поселился
 въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ. Три по-
 сродниоя преслѣдованiя еломили наконецъ
 его крѣпкою натурою и онъ умеръ, ^{въ 1811.} еиуеуа че,
 зуре года послѣ его освобожденiя.

Сочиненiя Шударъ были вторично о згомос,
 колво его жизни. Виновной болонето часебоо сами
 въ своихъ нечаезидель, благодаръ необузданному,
 увлекающемуся характеру, онъ вторно передавалъ
 въ своихъ сочиненiяхъ зѣ чубезва, козороя пере-
 шивалъ. Онъ не зналъ меры и вкуса въ своихъ
 произведенiяхъ, и самый невозможный
 увлеченiя безрѣчатоея въ ниль на рѣду еи
 дейсвизельно поэтически ероронаки. „Кодъ
мекскiй склѣнь“, Восточнiй Мидѣ, милль, Фридри-
ху Великому, ода „Нѣмецкой свободѣ“ и „Нѣскя
капскiя коряковѣ“, въ козорой оплакиваломъ
 прощанiе съ родной нѣмецкiя еолдае, про-
 даннаго герцогомъ Карломъ голандизамъ —
 еиуеуея лучшими изъ его нирисеккiя ерхко.

1) „Айфрангъ“ прозуба зиранковъ, козорой онъ укоряетъ
 въ ниль преслѣденiя прозуба зеловочесва.

зворений. По виташней ^{эфир. нѣ} и по духу, сочиненія Шудар, да напоминають Клопшюка, но они самоходьель, ный и салытые. Его духовной и народный пьеси гораздо слабѣе полизическых; они изобразяють окозныя обшечеловческыя муки и сураси, тьмь идиллическыя воззрѣнйя зодны. Все-таки его Нѣмецкая Хроника, первый истинный народ, ный мезокъ - народный журналъ, мьтль нап, болыше влidaye на полизическое образование народа. Журналъ поэты и музыканты Хри. срианъ. Давидъ Шударъ, тьмо инильмановская наура, но впрочемъ горячй поклонникъ Фридриха Великого и Клопшюка, соединяль швабскй и нѣмецкй патриотизмъ, бредиль вѣтми произведенйя периода бурныхъ сремлений, ко, зорая они восхваляють своей публицы, всего луч, ше показаль свое дарованйе въ народныхъ крестъ, атекиль и солдатскыя пьенды.

Клопшюковское направление въ нѣмецкой поэзи заканчивають Францъ Фромъ-Зонненбергъ 1779+1805. (Franz von Sonnenberg). Онъ родился въ 1779 г. въ Мюнхенѣ, училь въ Зенѣ юриспруденцию, но, зомъ публешествовалъ по Германіи, Швейцаріи и Франциі, возвратиль на родиль, но отуда про, чьтатель вѣдѣзвѣ буйзвѣтниль посылковъ, озира, виль ^{онды} въ Зену, гдѣ онъ виль въ ландру и въ 1805 г. бросиль изъ окна и умеръ. - Зонненбергъ миль Богачую францаию, замьхательнью зворескую силу и даръ изображенйя, но его мьня въ гекза, метрахъ, Донатоа оди Sub Saltandъ (Доназоанъ Конейо

мира) производить невольное впечатление, по-
тому что эта смерть не подвергается ^{реальной} созерцанию
и изобилие событий дала бы обзорные почти
невозможны. Въ грехъ мнѣ, где отъ изо-
браженъ реальное, въ рисованіи характеровъ, въ
описаніи военного крика и суеты или идил-
лической жизни — отъ заискуго великодушество.
Но ему не удается художественного спокойствія
и ясности, что и доказываютъ его болѣе
гасить озеру посвященнаго ^{мирно} судьбы
(Stoffe f. d. Kunst). Риторически-религиозная этика
въ поэмы „Доказаніе или конецъ міра“ превращена
въ бездельно-мелкую звонкую фразу.

Виландъ и его школа.

Во Франціи, какъ и въ Германіи швейцарцы
создаю на сценѣ губерва и мелтабельности и со-
сраженію оппозицію простоты. Умеренная
проблема, которая выражается въ Волдере
и Руссо, подготавливаетъ также и въ Германіи и др.
судить отъ на Германію. Таллеръ, Водлеръ, Клоп-
штоль охотно вращаются къ Волдере, между
тѣмъ какъ Готшедъ его переводитъ, и сужде-
нны и сраженія или воспользоваться для себя. И хотя
враги Волдере еще не были отъ этого друзьями
Руссо, если Бернский ортодоксальный аристократъ,
какъ Таллеръ, могъ видѣть въ меневеконъ деспотъ
и демократъ только сумасшедшаго или пресуп-
ника, то партия губерва въ Швейцаріи и въ Герма-
ніи вконецъ получила болѣе молодыхъ предсави-
телей, которые не ^{подлима} радикальнѣе выводовъ

Руссо.

Пизуизмъ и просвѣщеніе, метафизическѣ и фри-
вольность, эргогеръ шизии и олоза шизѣ, Законъ и
Эпикуръ, Таллеръ и Таледоръ, Клонизовъ и Волб,
зѣръ въ пѣтухедрѣвъ годѣ XVIII, философскаго
сфолъзид Боролисъ за душу одного молодого шваба,
который въ школѣ метафизическѣ приобрѣлъ
Блесзидицѣ, полный фразизмъ дубикъ, но въ концы
концовъ бросилъ въ объязид просвѣщеніид и егѣ,
малѣи одикуль шѣ величайшимъ немецкимъ Фи-
ковъ: это бѣлъ Крисзофъ-Маркуинъ Виландъ. +

1733+1813. Онъ (Christoph Martin Wieland) родился въ 1733 г.

въ деревнѣ Обергонзигимъ, которая была въ герцогствѣ
гасахъ, ^{разгрозидицѣ} швабскаго имперскаго небольшого городка
Бибераха, и мѣсть на девять бѣлъ молодое Клонизо-
ка. Его отецъ, пасторъ — пизуисъ изъ школы Тал-
ле, началъ учить его по зрѣльму году, такъ что малѣ,
шмъ уже дома получилъ отличное классическое
образованіе; 13-зи мѣсть отъ свободно гизалъ Вир-
гиліид и Торацид, писалъ нѣмецкід и латинскіе
сривки. Позомъ въ 1747 г. онъ поступилъ въ школу
въ Клозедербергенъ близъ Магдебурга, гдѣ пизуизмъ
бѣлъ господствующимъ направлениемъ, гдѣ отъ
воспитывался во всѣхъ предписанныхъ правилахъ
набожности, почашид, экозаза, и однако не бѣлъ
предохраненъ отъ перваго сильного припадка еомъ,
мѣид: уже на пѣнадцатомъ году онъ колебался
мезиду великими прозидвоположисезидки време-
ни; онъ записывался Клонизовкомъ и преклонял-
ся передъ авторизовомъ Подмера, рано влюбился

въ одну родезвенницу и восновалъ свое чубево
 въ селѣ Клопшюка, но на семнадцатомъ году
 снова воспринимая петербургскія получила
 земной предержь: Софрйя Тудермановъ была за
 молодая родезвенница, которую отъ поименна
 въ срану Клопшюковскихъ ангеловъ и обоготво,
 рвалъ въ срихалъ и въ прозъ. Поступивъ въ Пюбин,
 генскій университетъ въ 1751 г. и слушая курсъ ори,
 дическй наукъ, отъ занимался философіею, языка,
 ми и литературою. Поряе въ университетъ вика,
 залает его удивительная производимельность, его рвѣ,
 кая способность схватывать многостороннія возбун,
 денія и легко воспроизводитъ иль. Отъ были дидак,
 зическй поэтъ и эписъ; училъ и разсказывать, фри,
 лософировать и соеживлять басни озаюет его склон,
 поетью всю его жизнь. Поступивъ въ университетъ,
 отъ началъ печатать свои срихи, а съ Богмеромъ
 возунило въ перетиску. Въ августъ 1757 года отъ
 послалъ анонимно свою героическую поэму, Гер,
 маннъ Богмеру для разбора. Изъ-за этого возникла
 перетиска. Старикъ, незадолго передъ зымъ разогаро,
 вавшійся въ Клопшюкъ, оубогалъ ему отъ илюде,
 но и усиленно звалъ его въ Цориль. Виландъ
 скоро (1752) посетовалъ его приглашенію, при ми,
 номъ знакомствѣ отъ, въ прозивоимельность Клон,
 шюку, вполне оаровалъ Богмера: отъ не пилъ
 вина, а золько воду, не курилъ, не посетилъ одиесева,
 а сидалъ и работалъ за одимъ сромомъ съ Бог,
 меромъ, удивлялорилъ его стариду къ Библейскимъ
 одамъ: погъ его вливленію отъ началъ болшиую

эпическую поэму на библейский сюжет, Менюда, ние Авраама ("Der der größte Abraham"); онъ полагалъ съ немецкими анакреонтиками, обилная въ безыравенности и находилъ полное удобовооруженіе въ законности съ Триунигеромъ и дружины старыми господами, словомъ, во всемъ былъ прозривоположенъ Клоникомъ, былъ тономъ со всѣмъ по сердцу Бодмеру, пока онъ не принялъ мѣста губернатора и, вышедши изъ-подъ непосредственнаго вліянія своего мекора, удалился отъ него все болѣе и болѣе, такъ что чуждому Бодмеру въ концѣ концовъ пришлось маловероятно на то, что и еще болѣе злѣе и милое, тѣмъ за, котораго незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ ему Клоникомъ. Мекорскій ударъ поразили молодого поэта: его Софій, которая вдохновила его къ первымъ поэтическимъ произведеніямъ, которую воспевалъ онъ подъ именемъ Дориды и изображалъ во видѣ Тучелды, изгнана ему и отдана руку какому-то господи, ну фронъ-Марому. Но подвижной Виландъ скоро оправился: въ любви была его духовной любовью, въ бракъ ничего въ ней не извѣдывалъ, и такимъ образомъ эта старая нить не порвалась. Его поэзія только сильнѣе направилась на крайнюю христианскую метафизическую. Виландъ не могъ обходиться безъ дружбы съ немецкими, и даже въ ту, разанскомъ Цюрихѣ было такъ-то въ прекрасномъ дуи, въ которомъ его религиозная метафизическая находила живое зло и которая онъ именно съ этой метафизическою поэтически ввелъ во много

христианскими сочинениями. Но въ думѣ Виланда
 уже зрѣли другія свѣтла: Благочестіе и еагози-
 мендальное съобуvementъ произведеній едали
 казаться ему чинъ то натурскій и насекрещен,
 нѣтъ, отъ нашего одиссея болѣе интересное, ерль
 находить удобство въ чинѣ Лукьяна и самого
 Волтера и мало-по-малу удаляясь отъ своего руко,
 водилъ. Уже въ 1754 году отъ начинаеть наказъ
 для своихъ мыслей и фантазій также и греческаго
 костюма. Въ июнѣ 1759 (1758) года Виландъ озира,
 бился донашомъ учредилъ въ Бернѣ, гдѣ его
 озаерливили разнообразная возбужденіи орно,
 менія и незаслушенная любовь прекрасной, очень
 чинкой дѣвочки, Нелли Бондери, а въ концѣ мая
 1760 года, покинувъ Швейцарію, отъ вернулъ
 въ родной городъ Биберахъ, получилъ тамъ мѣсто
 въ городской думѣ, обрѣлъ директорскія канцѣ,
 мѣри и, измѣнивъ роу прекрасной Бернской воз,
 модленной, позорилъ понарь въ еори советиль
 обикновенной кокерки и навелъ на себя вину
 еще одного волокидерева, пока наконецъ его еер,
 деиная Одиссея не закончилась бракомъ съ дочерью
 аугсбургскаго купца, коротей, но ограниченной
 дѣвочкой, и слабой метакельской холосрѣи
 егдала образцовый мужень и орзонъ семей,
 ерва. Въ это время отъ сблизилъ съ нибилемъ
 неподалеку грезвигайно образованнымъ графомъ Ва-
 диомомъ, большимъ почитаемымъ французскимъ
 мыслителемъ. Тогда во взглядѣ Виланда окота,
 зельно совершилась рѣзка переломка; отъ полума.

2) по Шареру
 0) по Куртцу

Kriegel, 1. 1. 11

нцского сатиризма и реализма и метафизичности
отъ переменить къ реализму и сурреалистично на.
славиться земного мизма. Въ 1769 г. Виландъ
принялъ кафедру философии и „изданныхъ наукъ“
въ Эрфуртѣ; но уже въ 1772 г. Веймарская герцо-
гиня Анналя пригласила его въ Веймаръ въ ка-
цель въ гоффа и военнаго министра. Здѣсь онъ,
прочто устроенъ, вскоре оудался исключи-
тельно литературной дѣятельности. Виландъ жилъ
въ Веймарѣ сперва въ качествѣ военнаго, но,
былъ друга герцога и его знаменитого министра
до своей смерти въ 1813 году. Терс

Какъ Галлеръ и Тагедорнъ, онъ восхвалялъ совер-
шеннѣйшій миръ; съ Клейсгольцъ и Томсономъ онъ
восхвалялъ вѣстну; Тернакъ и Пусенбагда также
должны были сдѣлать и его героями; хвалебная пове-
сть любви, моральная пьеса (Zwölf Monate von
J. (1752), Анжун-Обидиѣ быстро надрасывалась на
бумагу; небольшие рассказы въ бѣлѣхъ пѣрсона-
жахъ Яндалъ, замечательныя Богнерова изъ
Томсона, но особенно связывались ораери съ англ.
либеральными еженедѣльными журналами, по
считано — съ Теллертомъ, по силѣ оценокъ, пѣн-
кологическому анализу и полному съуживу изъ-
бразительно — съ Томсономъ и Клоншокомъ. Его
воображеніе больше всего любило оракавливать
ся на райскія поля и идилліи; его „Вестна“ хо-
зѣла оракаръ вѣстну неба, невинное бы-
ла и для него позднѣй; и „немногидъ благородствъ
дѣлми“, котораго протикнуды высокой мысли быхъ

отъ
H. Bonamigo
и Сест. Лангера

У Ср. его дидактическое поэму, Die Natur der Dinge oder die
Wunder Welt (1752).

безмерными, который, не подорожными ширь
для "восточности", идеалы природы, добродетели
и свободы не могут отвергать своего Клонихо,
ковскаго происхождения; но у него ишь Клон,
изяковской шестокости, земноты и превели,
кениа: Языкъ гелеръ ясно, гармонично и шерно,
воображение гизарелъ олозно складуеръ за нима
въ его поэтическiй миръ. ✕

Еще въ универзитетъ Виландъ написана Два
надиза (не Курригу, а по Зорову-Дедеръ) писана о
морали ("Zwei moralische Briefe") и схилозворение
"Анги-Овидий"; написанае волюнтови сри лани,
которые въ то время уже написали вътисендръ
во французской литературе александрийские сри,
ли. Въ Цюрихъ отъ писана гудакрическiй сри,
хотворения и правозвенные рассказы: Писма
объ умершихъ ("Briefe von Verstorbenen an finta",
Иоганна Фрихта, 1753) и Синнази, Весну, Меку,
меннаго "Авраама" ("Die Geschichte Abraham", 1753) и
Губева Христианума ²⁾. Писма умершихъ къ оубав
шима дружбама ("Briefe von Verstorbenen an finta",
Иоганна Фрихта), наводныи адимъ англий,
скима образцовъ, показываюу, сколько понадо,
билосъ упоудеиуъ земного блеска, тоди украсиуъ небо.
Простая религиозноеуъ зако ше мало подвигалаеъ
при Эолов, какъ у Клонихока; но Виландъ умель
рисовауъ наглядные, символические, и отъ владеуъ
закого Яркоуерго Ядонса, которауъ уже близко подо,
дизъ къ зому, что вооуде удавалосъ лучшаго нб,
меукима поэма. Какъ въеуъ Гезевока прелесуо,

1) Anti-Ovid.

2) Entfindungen eines Christen.

когда оно говорит: „Doch webest du Kunstreich einen
Schimmer der Wahrheit um deinen gefälligen Fortschritt.“¹⁾
Слезы отъ называюща „дiese gutartigen Kinder der
Menschheit, die in der Gesellschaft stummer Geduld
so rührend blinken.“²⁾ Ему не чужды и романсы,
ка луннаго свѣта: одно изъ его мифъ влекомое
мощество и тайномова невѣдомства ерешлови,
есть, мифъ кубы, гдѣ зерно парфя и блусида,
тоже почивше образы, сумеречное ароматы и фран,
заслуженскія существа, прекраснѣй развалины
дня.

Какъ уже извѣстно, Виландъ вполнѣ отдался
религии, добродѣтели и морали, и къ его мечтамъ,
поэти присоединилъ духъ французска, направлен-
ной прозу въ анакреонтиковъ. Но на его благоче-
стие и мечтанія о добродѣтели насмѣшки кри-
тики произвели благозвонное влѣднѣе. Пришло
изученіе греческой философіи предохранило его отъ
новыя ошибокъ и заблужденій. Англичаниновъ графа
Шеффедепи (Шаффевицу), философа морали (1671-1718),
навелъ Виланда на Платона и Пестифонофа: воз-
никъ сократовскій діалогъ; начавъ были разговоры
о красото и любви; и греки въ союзе съ всемирно-
мозоритескими событіями времени и пузанаостро
его пылкаго сердца свели его снова изъ селеній сера,
фильовъ оидръ на землю. Одна изъ его друзей за-
влекла его слишкомъ далеко: пылкой мечтатель
почувствовалъ себя однажды земнымъ влодленникомъ
и долженъ былъ быть возвратенъ въ границы.

„Anstres und Panthea“, замечуваннае изъ одного эпизода

1) Но же укаѣтъ некусеритно блескъ (мерзавит) правди вокруга
злого прѣданаго заблужденій.

2) Этимъ безконравными партиями неговоряще, блескушныи хане
дрозавенно въ отиссрва пылого зернети.

въ романъ Кеснофрона о Кире, сочувственно поэти-
 ческию пандурикой этого заблудивши, и потому,
 приобретенный здѣсь въ первый разъ, прокладывая
 черезъ всю литературу дождельского Виланда:
 отъ безчисленное множество разъ изображала
 переходъ отъ неземной мечтательности къ зем-
 ной сураси. Но герой Кеснофрона долженъ быть
 сдѣлаться и его героемъ: наказъ была эпическая
 поэма „Киръ“ (Cyrus, 1759), когда начало Семилѣт-
 ней войны направило все глаза на короля Прусе-
 сии; подвиги Фридриха Великаго навели его на
 мысль изобразить героя въ большой поэмы;
 Киромъ были Фридрихъ Великій въ персидской
 мачтѣ, и планъ былъ предпринять не безъ
 малочетия — облечить поэму получениемъ мачты
 въ Пруссии, будь это мачто въ академіи или мач-
 то директора школы; Тодлеръ перенесивался
 отъ этого съ Зулцеромъ (профессоромъ и чле-
 номъ академіи въ Берлинѣ); но эта надежда
 оправдалась такъ же мало, какъ и другія надеж-
 ды подобнаго рода. Виландъ написалъ всего нѣтъ
 первобытныя начертанія этой поэмы „Cyrus“, пригласилъ
 сдѣлать одну эпизодъ „Atasres und Panthea“
 („Атасресъ и Пантеа“), въ видѣ диалогическаго
 романа.

Написанная Виландомъ въ слѣдѣ заглавіи Тра-
 гедии „Joanna Gray“ („Юанна Грей“ ¹⁷⁵⁸) и „Clémentine
von Potteka“ („Клементина Поттеки“, 1760) не удалась
 ему такъ же, какъ и „Alceste“ („Альцеста“, 1773) и
 „Rosamünde“ („Розамунда“, 1778). Въ „Альцестѣ“ ознакомились

саура *Jéze. Götter, Helden und Wieland* (Тоты, герои и Виландъ), въ которой доказано, что Виландъ понималъ греческую древность совершенно верно, изображая сикновъ природы сентиментальными модями повало свѣта.

Озрѣвляемый ^{природой} критикой Лессинга, посовѣтовавшаго ему, вѣнере того, чтобы изображать свѣтъ и людей въ поэзи, поскольку президе на нихъ по приездѣ въ и узнавъ лучше, Виландъ обратился къ гандзю, послужившему прекрасной школой при далбнотшелль развизии его таланта, — къ переводу Шекспира, которому онъ посвятилъ се, зоре года неувѣннаго труда. Виландъ перевелъ 29 трагедій (1762—1766) Путь отъ метафизичности къ природѣ привелъ его къ мастеру естественнаго и правдиваго изображенія, къ Шекспиру, и съ 1762 по 1766 годъ онъ перевелъ цѣлкомъ три трагедіи двадцать двѣ Шекспировы пьесы (по Зохову — 29 трагедій). Въ исторіи Виландъ слугалъ первыми романсиромъ сентиментальнаго Ричардсона (1689—1761); теперь ставилъ выше всего остроумнаго Филдингъ, га (Henry Fielding, 1707—1754).

Въ своей сентиментальной повести „Надима“ и въ шутиваннѣ разказахъ „Диана и Индианово“ и другіхъ, Виландъ явилъ уже вполне свободныиъ отъ претяго интрижизма. Возмобляемый Лукианомъ, Волтеромъ и Кредильотомъ, онъ въ своихъ дидактическо-саурическихъ срихалъ защищалъ права здраваго человѣческаго разсудка и естественности. Освоель обращеніи на новыиъ путь

Виландъ явилось печально посредственному туземному ро-
ману, первого произведения этого рода, „Don Silvio
von Rosalba oder der Sieg der Natur über die Schwärme,
rei“ (Донъ Сильвио де Розальба или победа приро-
ды надъ мечтательностью, 1764г.). О томъ же самомъ
направленіи Виланда красноречиво свидѣтель-
ствуютъ и его „Komische Erzählungen“ (Комические
разсказы, 1766). Но въ Виландѣ было слишкомъ
много добродушия, чтобъ свирь насозидилъ еху-
риколы, „Donъ Сильвио де Розальба“ — подражаніе
Донъ Кихоту. Въ этомъ романѣ авторъ нападеваетъ
на мечтательность. Герой его веруется въ жизнь
съ крайне идеальными взглядами, но рядомъ опы-
товъ убеждается въ ихъ фальшивости. — Въ одной
части ^{разсказа} оъ Гибераха, въ замкѣ Варгаузена, жилъ
съ 1761 года уже раньше упомянутый графъ Сладонъ,
старикъ самаго высокаго образованія и знанія
свѣта, прохваторъ господина Лароша и его жены,
предмета томическаго любви Виланда, которые
у него жили; совершенно естественно, что Ви-
ландъ жалъ бывалъ и что этотъ высшаго свѣта,
который подъ французскими вліяніемъ, особен-
но со времени регенсера, привидѣлъ замкнуто
фривольное направленіе, задронулъ и его, и
по обыкновенію розгласъ оразилъ на его произ-
веденія. Нейсровый врагъ анакреонтиковъ самъ
едгалаетъ эпикурейцемъ. Воспитанникъ Гюдмера
по слѣдамъ Вольтера и Кредильона млад-
шаго.

А изводящія Аонны, время Сократа, Перикла,

Кеснофронда, Плагонна генерс, какъ и пресиде, созривля.
 ли идеальное царство, которое въ его воображеніи
 зарушило много блаженнѣйшихъ райскихъ полей,
 где отъ пресиде бродить. Тамъ высшего воздуха,
 кой невѣроятен отъ искалъ насладиться людей,
 какъ, какъ отъ сама била, полный доброты
 и слабости съ пылкой сердце. Тамъ отъ при,
 писывалъ свои любовные и шизменныя отъзы,
 и какъ образы, Диффрета въ Адакнон (Мезорія
 Адакнон, 1766 и 1767 года) была его содѣлвеной исро,
 рией. Въ этомъ романѣ, Адакнонъ съ болѣе отъ,
 сроднѣнностью и серьезностью Виланда разбиваетъ
 эту идею, какъ въ романѣ, Донна Елиабвю де
Розалвья; Адакнонъ, поэтъ-поэты, полный смѣла и
 идеальнѣйшій стремленіи, послѣдователь Плагонна,
 попадаеть, проработанный морскими разбойниками,
 въ домъ софиста и эскурейца Гиппидъ, который
 искусно стараетъ разрушить его міровоззрѣніе,
 довести его до грубаго матеріализма, и ценитъ въ
 этомъ. Адакнонъ безупречен въ свѣдѣ съ его лю,
 бовницей Деміаей, но, погубивъ омерзвѣніе
 къ самому себѣ, бѣжитъ къ сиракузскому зиратну
 Дионисіо. Здѣсь отъ сиракузцевъ первыми геловъ,
 кой въ государствѣ и, одушевленнѣйшій высокими
 идеями общеземнаго блага, предпринимаетъ
 рядъ реформъ, козоровъ, будучи дѣрно понимаема
 и исполняема, приносятъ больше вреда, чѣмъ поль,
 зы. Адакнонъ попадаетъ въ тюрьму и готовъ оградить
 въ людяхъ. Съ тюрьмы и съ оградъ его спасъ,
 съ сиракузъ Архидасъ, который даетъ ему насладить

(по логическому абзору) взгляды на жизнь — теория жизни, логикой середины, научаясь его прикиньте губервен, мы и побуждений с добродетелью, суремитуеть кь относительному добру и злу и приводить его сердце вь гармонию сь разсудкомь. Абзорь ведеть нас вь Дельфу, Афина, Спирту, Сиракузы и Таренто; Готь Еврипида дасть поскобко поживовь для этой юношеской пещорин; мы слобдимь за вьнузренииво развизисивь героя оть его дозержва до зрелого му, тесерва; мы видимь, какь вь своихь сердечныхь менузанидяхь и на одиссеивенномь поприщю оть покидаеть преувеличенныя представления, мет, тазельные взгляды, родь готь-кихожухва. Вь Цю, ринтв Виландь восхизчался романами Рикард, соня; оть удивлялся, какь Теллерт и ехалько дружишь, зьльть непогрешимыишь геродьль, козю, роиль англичанитовь вывалъ на свюрь, Памелой, Клариссой, Трандисеонитовь, и вь одной муть зривля повтсреть даме замержовалъ сюжетъ для драмы. Но чуме вь Англии Фримдингъ реагировалъ про, зивь героической неправды, и ильнеть мюзетей пародировалъ Трандисеона: Виландь срава земерь последовазельствь Фримдинга и посруналъ по кра, билу Шефусбери, козорый весь совершённыя характеры вь эпическихь и драматическихь по, майль называлъ гудовитцносетью. Но оть не давалъ своимь образамь широкого, закруженного раз, визия сь обильными разнообразными чертами, но делалъ ить представивельни великиишь праведвен, мыль контрастовь, кофорые оть сами презимовь

и которые отъ зазавидеть мѣхъ теоретически из-
лагаютъ въ длиннѣйшѣхъ разговорахъ, такъ что его
романъ долаетъ въ то-же время философской
книгой. Но такъ или иначе, „Агафонъ“ ставитъ
краеугольнымъ камнемъ славы Виланда. ✕

Въ своихъ гудаквиеско-эпическихъ произведеніяхъ:
„Виландъ: Myzarioth“ (1768), „Die Grazien“ (1770) и „Der
verklagte Amor“ (Обвиненный Амуръ, 1774), Виландъ
развивалъ свое новое поэтическое воззрѣніе на
жизнь. Въ 1768 г. Виландъ напечаталъ романъ изъ гре-
ческой жизни (въ которой, впрочемъ, греческаго
было очень немного) разсказъ „Myzarioth или phi-
losophia grazien“, сюжетъ котораго созавидеть обра-
зъ къ радужнѣйшѣй жизни афинскаго философа
Мизариона. Это — такъ же какъ „Агафонъ“ прелест-
ный поэтический разсказъ, гдѣ неподлинной афин-
скій философъ какъ разъ обращается къ удоволь-
ствіямъ и простотѣ наслажденію жизнью, пре-
следуетъ въ то-же время поучительныя цѣли и
уже своими заглавленіемъ рекомендуетъ себя какъ
философію grazien. Надо признаться, что поучитель-
ность въ этомъ произведеніи не больше, чѣмъ
поучительной формы разсказа. Другая книга, „Diogenes von
Sinope“, наполовину романъ, наполовину исторія,
выбираетъ своимъ героемъ циника Диогена и почти
не переставая правдиваетъ ему анакреонтическій эле-
ментъ.

Многосторонность Виланда не позволяетъ ему
ни въ одну сторону его жизни, пока ее не ограничитъ,
взвѣшь сдѣлать. Поэтому съ греческими направленіями

„Myzarioth oder die Philosophie der Grazien“ („Myzarioth или
философія grazien“).

„Diogenes von Sinope“

начинается уже богатое послужившим роману геское в „*Adris und Zenide*“ (1767-1768) и „*Ковань Амадиса*“ („*Neuer Amadis*“, 1771), образцов для которых послужили *Арисо* и *Тамилбзон*. Не обикновенный *Эмилеский* *Заман* не удовлетво, рдился прозой и свободными стихами *Теллеров*, ескими или схилами естественного изображения; отъ хотъли не пробовать себя во величьи формы, и поэму отъ взлел за *Израиль* *Мессе* *Франсу*, чтобы присоединить прелестъ ея *занузанной* *риды* въ блеску *живого* *изображения* *изображения*, и рдился ея *Эмилес* *популярной* *философии* *Виланд* не могъ оказать себя въ томъ, чтобы не обра, зить своего вниманія на общезвонный *двѣ*, на во, проси *государственной* *науки*, какъ отъ уже *ввели* *своего* *Амадиса* въ *политическую* *гражданскую* *и* *даже* *приняли* *участіе* въ *управленіи* *маленской*, *правда*, *очень* *маленской* *республики*, въ ея *мелкихъ* *ин,* *зритель* *и* *радора*, *бурды* въ *сказанья* *водв*. Только, что *романъ* *Таллера*, „*Узон*“ *воспользовался* *во*, *мысль* *когда* *мысль* *для* *изложения* *политическихъ* *мыслей*, какъ *Виланд* *послуживалъ* *за* *мысль* *въ* „*Der goldene Spiegel oder die Könige von Scheschan*“ („*Золотое зеркало или царіи Шеміанскіе*“, 1772) и въ его продолженіи „*Geschichte des weisen Damisch, mend und der drei Kalender*“ („*Исторія мудраго Да,* *нимменда* *и* *зрѣть* *Календаріи*“, 1775); цѣлымъ его „*Кира*“ снова оснѣли: какъ *за* *его* *героевъ* *дол,* *свѣтъ* *былъ* *бурь* *Фридриха* *Великаго*, *какъ* *менер* *просвѣщенней* *дестозизмы* *XVIII* *столѣтія* *казался*

елю лучшимъ государственнымъ учредителемъ, и
 подражателемъ Фридриха Тосморта II — заслуживающимъ
 его предсавиделеню. Въ этомъ сочиненіи, *Der goldne
 Spiegel, oder die Könige von Schweden* Виландъ разви-
 ваеъ какъ разъ свои идеи о государствѣ и исторіи
 и, въ рамкѣ везогнаго разсказа, предсавидеъ
 родъ зеркала государей и его высокое понима-
 ніе призванія государей на эту разъ прибудуи,
 но ео къ одному владетельному дому: въ немъ
 увидали замѣчательно вторныя педагогическія ^{и политическія} ~~взгляды~~,
 да и, какъ мы уже знаемъ, веймарская герцогиня
 Анналиа пригласила авзора въ воеицарствѣ сво-
 мѣ соиовей. Итакъ, должно ебу воеицарствѣ наслед-
 наго принца Веймарскаго Виландъ обязаеъ эту
 своему сочиненію. (H)

Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Вейма-
 рѣ Виландъ началъ издавать 3-мъ мѣсячнымъ журналъ:
 „Der Teutsche Merkur“ (Мѣсяцкій Меркурій 1773—1789г.,
 въ подражаніе знаменитому *Mercur de France*). Это
 журнальное предпріятіе цѣлые годы дозавляло Ви-
 ланду болѣе вліяніе. Въ этомъ журналѣ въ духѣ
 умѣреннаго оптимистическаго мировоззрѣнія, которое
 у него поначалу выработалось, Виландъ съ болѣе,
 мѣнье успѣхомъ разовалъ за просвѣщеніе и иезуи
 вкуче. Если оиъ не всегда мочь угодить молодой
 поколѣнію, въ которомъ въ семидесятыхъ годахъ тогда
 тло сильное движеніе, то иудимъ иуъ эту разъ горь-
 чинаго голову вкорѣ еблизилася съ нимъ, какъ и оиъ ея
 своей сиротны всегда везорисенно погизалъ нежен-
 ныи гении и склонился передъ болѣе высокою силою.

Но свои самые зрелые произведения он создал только тогда, когда новый литературный возбудитель во Франции и Германии привлекли к нему внимание в средние века и его сообразный роман, философский поклонники могли в доброй мере размышлять на расположение публики.

Из предидущего положения париж, в котором проходила жизнь Виланда во Франции, из столкновения между Гюгеном и Бюккером, между лейпцигцами и швейцарцами, он постепенно выработал и ход бы атакреондики, из высших и сладких поэмы энциклопедии, были теперь его добрыми друзьями, кругом же никакого другого не должно быть подна, дарь никакому односозонному направлению. Никто, но позднее он принял независимую точку зрения, и "Немецкая Меркурий" преобладающе среднего и, литературного движения того времени.

Во Веймаре Виланд написал, между прочим, свои два наиболее замечательных произведения: сатирический роман "История Адерризов" и поэму "Оборотень". В 1774 г. он приступил к сочинению сатирического романа, "Die Aderisten" (Адеристы), в котором задумал вывести, под греческой оболочкой, сатирический роман немецкого индустриала. Французский город Адериста играл в древней Греции ту же роль, что Шлихта в Германии или Пешеховы в России, т.е. считался суррогатом дураков. Виланд пользуется в котором-то рассказе про адеристов, чтобы изобразить в довольно пошлостью красками консерватизм и ограниченное

самодеятельство немецких маленьких городов, ва,
 лонов и универсальных кружков, грубое кра-
 вое немецкой буржуазии и низкого дворянства,
 а также и некоторые общевропейские недоразу-
 религиозную нецерковную, светские и узкий парри-
 озизм. Пытаться угадать длинного, но озабоченные
 эпизоды рассказаны очень живо и достоверно. Са-
 мый интересный его час: пейзаж авдери,
завь сь возвращившимся посель 20-тилетнему пузе,
теперь проевзвещенный своевременно назаведелье де,
мокризисом и процессом о убийстве ола. Эго сатири-
 ческий роман рисует, как уже сказано, под грече-
 ской маской и осмысливает как немецкую жизнь,
 так и содействием невольничества автора и принадле-
 жность непременно к лучшему, что Виланд на-
 писал. Мягкий и шаловливый ^и фракцион (Франция),
 где, как в старых немецких романах и
 во многих новейших французских повестях,
 где, где идет проза со стихами, он отбрасывает
 назад к оставленным аркадическим мифам: но
 естественное идиоматическое построение, розовая мечта
 о прошлом и невинности казалась дозволенным
 элементом, тогда как здесь выросли немалые
 мифологические существа как "Франция". Как
 мы видим, от греческих людей Виланд поднял
 к высоко-увозущим идеалам Элиакаго ис-
 кусства, к богами и героям. И хотя в своей поно-
 сии, как мы уже сказали, он плачевно про-
 бавился с своими Аристотелевыми трагедиями, как
 "Lady Johanna Gray" и "Clementine von Rometta", генер

онъ снова попробовалъ счастья въ театры съ дзю, чешскими союзерами, призвавъ на помощь музыку, сфаралет одлагородныхъ лоду на оперу и въ 1773 г. въ своей „Альцеза“ соперничалъ съ Еврипидомъ, а въ „Wahl des Hercules“ переложилъ извѣстную земю изъ прозы Ксенофонта въ сцидохворный сти- ны. Хотя пьесы и не имели продолжительнаго цен- та и первая („Альцеза“), какъ мы знаемъ, вызвала злую насмѣшку юнаго Тѣре въ „Götter, Helden und Wieland“; они все-таки не были позерными для даль- нѣйшаго развитія нѣмецкой поэзіи и продолжа- ли идти именно черезъ Тѣре, поэтому то Альце- эра указала путь Ифигеніи, а нѣкоторые поэты „Теркулеса“ какъ будто оживаются въ „Фрауэрн“.

Окончивъ сатирическій романъ „Die Abderiten“, поэты снова съ любовью обратились къ романтическо- му сказочному міру, — и въ эпоху-то обрадованно ры- царско-романески съюзеровъ, какъ напр. въ своихъ „Winter- und Sommermärchen“ („Зимней“ и „Лѣтней“ сказкаль) и, въ особенности, въ „Gandelin“ (въ „Tarn- galinn“, 1776), въ „Clelia und Linibald“ ^{„Heron der Adeltiche“} (1778), и т. д. изъ его поэтическихъ разсказовъ, ^{„нозль“} дошли въ немец- кой поэзіи, которую преобразилъ его романци, всякая эпоха въ двенадцати пьесахъ „Oberon“, Родерманнъ, „Oberon“ Виландъ замечательна изъ романскаго романа, который основанъ на старо- французской chanson de geste, гдѣ героемъ явлется Глюон де Бордеауи, убитый сыномъ императора и за это преследуемый отправленъ въ огуионку ко двору сараценскаго короля и совершилъ рядъ са-

Меторидъ ильн. императору XVIII века.

миле невозможныхъ подвиговъ. (Виландъ узнако,
миле съ содержаніемъ старой повѣи по изложенію
въ Bibliothèque universelle des Romans графа Штрессе,
сана). У Виланда Тюотъ убилъ сына императора
непачею. Оно доидеть протикнутъ ко двору кали,
фра, озрубитъ голову зому, кто сидитъ по лѣвую руку
оуъ хозяина, зривиде поцѣловитъ публично дочь ка,
ифра, а оуъ послѣднее добитъ ч его зуба и пучекъ
изъ бороды. Прибѣвъ въ Азію, Тюотъ находитъ жана
въ одной пещерѣ ^{Шердскаго} вѣрнаго слугушка своего оуца и
береть его съ собою. Оберотъ, король Эльберовъ - мно,
гид его существовавши чертъ, поуъ заимежоваль у
Тосера и Шекетира - владетель иль въ сформѣ пре,
краснаго мальчика; оно въ это время поссориле
съ своею женою Мизаніей и поклялся помирится
съ ней не ранѣе, пока не найдеть лодкицу парю,
которая предпогнетъ смерти разлукѣ; предвидѣ за,
кото парочку въ Тюотъ и дочери Калифра, отъ вы,
звѣаетъ помагае первому и даритъ ему рогъ, сла,
дне звуки котораго засрабляютъ всѣмъ плдеаръ, а
силъне вызываютъ Оберона, какъ би далеко оно ти
быль. Тюотъ и Реция (закъ называлася дочь Калифра)
влюбляются другъ въ друга еще во снѣ; когда Тю,
оно протикъ въ залу Калифра, на лѣво оуъ него
сидѣть едѣтъ ненавистнай Реции жениль ея, кото,
рай и попладиле головою за это погешное мѣсто;
когда раздрѣнныя срацины хотѣли броситъ
на Тюотъ, звуки его рога засрабиль иль предарся
невольной тѣкѣ. Оберотъ приидѣ на себя забѣ,
ту относительна зубѣ и бородѣ Калифра; отъ же

доставлять Трояну и Реция волшебную колесницу,
 на которой они и улетают из Багдада, и скоро,
 возмужав иль на корабле. Но так как колесница
 люди возмужали реально в брань равные, после
 их дошли Рима, где она должна была для,
 гостить иль союзу, но они должны подвергнуться,
 ея многим искрам: буря выдвигает их
 на пыльный остров, где Реция производит на
 свет сына; ее поднимает морские разбойники
 и охватывает в Турцию, в царство Альмансора,
 куда же прибыла и Трояна, чтобы возвратиться,
 бы жене; когда супруги посетили многих бедствий
 предпринимать смерть на костре разлучить, обороты
 мирятся с Титанией, и царь зловред спасает
 Трояна и Рецию в минуту крайней опасности.

Следует описание возвращения Трояны в женю
 ко двору Карла, так в которой промель, и отъ ласково при
 нидеть Трояна со словами: *ицет тикода в нашъ имперіи не зериво.*
 Какъ видно, Виланди брацелел здает в старом *дерево.*
 области романтики. Его муза бродила по неурядице *прим.*
 между средними выковъ, временна рыцарства и *равна*
 сказокъ. Его присутіиъ вкучь къ Ариосто и даме *забы*
 къ Донъ-Кихоту были уже шагоны вь эту эпоху, *но добро*
 ну; и если вь Покосиденіяхъ Дона Сальвю де Ро. *до земли.*
 зальва (Die Abenteuer des Don Sylvio von Rosalva)
 они ослились волшебная сказки, то это было гонб.
 ко для того, чтобы самому дожить вь вьла вьль
 волшебные сады. Рыцарствъ времена нашим ре.
 перь повучо благоеклонность и во Франциі; иль,
 которой сюжетъ средние выковъ едали болше до,
 еруны; жене уповѣнучимъ графъ Трессанъ издавалъ

сь 1775 г. Публіолексу романовъ, между прочимъ извле-
 ченій изъ многихъ рыцарскихъ романовъ: это была
 кладъ для эпитома, который Виланда и не замед-
 лилъ воспользоваться. Въ то же время Тёре управленъ
 его къ Тансу Саксу, къ юнорингерско-популярной
 мизерабуръ XV столѣтій. Виландъ въ „Кельнскихъ
 Меркюрии“ восхвалялъ Танса Сакса (прозой). Онъ
 поименно еще дальше; онъ изучилъ какъ-то родъ поэт-
 ики среднихъ вѣковъ и воспользовался весьма эри-
 ки изученій-ми для своей поэтической практики.
 При этомъ онъ сталъ обогатить своего рода изъ старо-
 нидеишкихъ иезотиковъ, да еще, онъ упрямился
 въ маленкии и большии разсказы въ манеру
 Танса Сакса, но вскорѣ оубоосилъ вѣнскихого ма-
 неру, и передѣлывая по старо-нидеишкиму образцамъ
 легкой риторъ болзовни, которой научился у Теллерра,
 онъ создавалъ иногда въ разлнннхъ разннхъ ери-
 ха эрихъ, который предѣлялъ величайшее сло-
 збу съ придворнымъ эпоемъ Таррманна фронъ-Луз.
 Онъ излагалъ борзбу ризановъ, многія воезочниа и
 друиа сказки, рыцарскія иезотии, стозмежи изъ Мр.
 Фуровскаго романа, изъ которнхъ особенно выдѣ-
 лозелъ уже упомянутое „Gandalin“ и „Deron der Ad-
 liche“; поелтдннй ееръ, оубо стозмежи, лучшая и ееръ
 эришннхъ поэма Виланда по объективннхъ ено-
 койноку рону, оубо эришннхъ манерноеру, по ориги-
 нальной композици и по эришннхъ и правервен-
 ной вндершкн. Пслотъ ркснхъ предварительннхъ
 работъ онъ былъ вооруженъ для широкаго оубу,
 маннаго эпоеа, зредуоннаго салннхъ разннхъ

1. „Gandalin oder Lirba im Lirba“.

просеивать и ельшанкивать краскою: она написана какъ разъ „Оберона“. Создатель догавила французская Библиолика романовъ, Шекспиръ и Гюго (Шансен, 1338, 1340 или 1345—1400). Эпосъ, она въ изумительномъ соединяется съ французскими готическими и судьба, бати рыцаря Тюона изъ Бордо, съ пылкою о высокой любви, сражении и вѣрности, козоразъ милаетъ въ свои, бодрыми сценами и по закону разказа, по вѣсти, нелю блеску, по правды вѣнчаньямъ собирии императора мало подобнаго себѣ во вѣсти повѣстившихъ императора, гурали. Мы увлекаемъ ее каждою новою сценою. Интересъ не ослабываетъ ни на одну минуту. Поэтому все время господствуетъ тѣло Эпический тонъ. Авторъ больше орудуетъ назадъ, шурка и проиди сжали сдѣланными, въ изображеніи и психологиче больше вѣри, тѣмъ въ произведеніи молодости поэта. Она варьируетъ своего старую тему о челоу, пещкой слабости: по за ней еладуетъ жестоко наказаніе, жестокое истребленіе, въ которыхъ два благородныя души организаторъ и сраковуетъ дрозойными прекраснѣйшаго сраженія.

„Оберонъ“ явилась въ 1780 г. Поэма написана, какъ уже сказано, франсаски, чрезвычайно легкимъ, яды, какъ то въ то же время обдуманными языкомъ (Виландъ сдѣлалъ морально перенесла ее 4 раза); слегка насмѣшливый, веселый тонъ разказа на, покинаетъ Ариосто и въ то же время ^{болѣе навѣ,} ную и просѣдующую первую по дну ^{Рувеласа и} Мюллеру. Пушкина. Мессинъ съ удивленіемъ говорилъ объ „Оберонѣ“ и Тере былъ оръ этого произведенія въ пол.

ночь воссоздать и сказать, что пока поэзия охраняется поэзией, золото-золото и кристалл-кристаллом, до тех пор поэзия. Оберон будет предвещать мистицизм и удивления, как образец поэтического искусства. — Эта эпоха стала Виланда предвещать, как новатор немецкого романтизма. Но ни самого автора, весьма гордившийся Обероном, ни его критики не понимали, что главная прелесть заключается в богатстве сюжета, взятых из народной эпохи.

Но эпическое искусство Виланда неощущается. Поощрявшая заглавие „Clelia und Sinibald“ (Клелия и Синибальд, 1782), легенда из XII столетия, слаба и расхлябана — видный шаг назад. Лучшие удачные были мастерские свободные переводы сагирь и поэм, нид Торазия 1782 и 1786 годов, кь король. В 1788 и 1789 годах присоединился полковник немецкий Лукьянов, а позднее еще писем Кизерона, кь, сколько вещей Кесенофонта и несколько писем Ари, Сидрафа и Эбрайда, между тем как новья по, поэзии романов из греческого мира, как-то: „Ари, Сидрафа“ („Ariftra“, 1800-1802), „Менандер и Флестон“ (1804) и „Кратос и Эрракия“ (1805) — между коро, рыми „Ари Сидрафа“ от ^{самой} (называется лунными изводами своей старости — не могли уже равняться с доско, искусством „Мазона“. Последний период творчества Виланда, за исключением упомянутого романа „Ари Сидрафа“, не произвел ничего замечательного. Религиозно-философское учение, которое он развивал усердно в своих поэматических произведениях, не имело никакого значения.

Слишком скоро мнѣ прошило Виланда въ Веймаръ и его окрестности, въ обществѣ лучшихъ друзей, Тёге и Гердера. Виланда весь свои произведе-
 ния, ^{сочиненія} ~~продать~~ лейпцигскому книгопродавцу Тё-
 менту, который иже издалъ въ 42 годахъ. Виланда
 переименованъ покровитель, своего любимую сестру,
 своего покровительницу и друга, герцогиню Аннано,
 наконецъ Гердера, Шиллера и другихъ близкихъ ему
 людей, но оставилъ герцогиню человекомъ друзей.
 Значеніе его въ національной литературѣ отъ сама
 охарактеризовалъ въ слѣдующихъ словахъ: „У меня
 крайне мало воодушевленія — и все-таки у меня всегда
 принималось въ разсуждѣннѣ только созданія фраза,
 зин. Но я въ продолженіи изречею мнѣ мнѣ
 срилъ въ ходъ множество идей, которыхъ увеличива-
 ли сокровищницу національной культуры и те-
 перь не посягаю на себя никакого слѣда иже звор-
 за. Такова моя заслуга!“ Одно иже доехонство
 Виланда сохранилъ въ золь, что отъ привлечь къ
 отечественной литературѣ немецкую аристократию
 и привлечь не только своимъ переходомъ къ коми-
 ческой и двучисленной поэзии, отъ привлечь
 се всего ловкой, красноречивой, законченной
 по формѣ, удобной манерой своего писателя, которое
 далеко не очерчивалось турками во фран-
 цузскомъ срилъ. Наконецъ, главное доехонство Ви-
 ланда сохранилъ въ свободномъ усвоеніи и разви-
 зин лучшихъ идей, на которыхъ отъ налагалъ не,
 гать своего духа.

Мнѣ сочиненія Виланда на русскій языкъ переведены:

„Исторія двинути Вуенгеймъ, два гасри. В. Ч. М. 1780. —
 „Золотое зеркало или царя Шемпанские“. Перев. В. Савоси-
 никовъ. Газете гасри. М. 1781. — „Новый Дово-Книгозъ, или
 чудный похождения Дона Сивестро де-Розальвы. Перев. О.
 Савосиниковъ. Два гасри. М. 1782. — „Разговоръ, или карлика
 философическая правота и обманъ прегескихъ“. Перев.
 О. Савосиниковъ. Газете гасри. М. 1783—1784. — „Камбардъ“.
 Перев. съ немецкаго. М. 1783. — „Музаріонъ, или философія
 Трацій“. М. 1784. — „Оберонъ, царь волнедниковъ“. Поема. Перев.
 М. Сулковъ. М. 1787. — „Исторія Абдериговъ“. Перев. М. Таври-
 нова. Пять гасри. М. 1793—1795. — „Абдеригидне“. Перев. М.
 Пазалина. Два гасри. М. 1832—1840. — „Пивагородское ученицъ“.
 Перев. Я. Дружининъ. 1797. — „Пивагородскія земли“. Перев.
 С. Кекаевъ. М. 1817. — „Разговоры Диогена Синопскаго“. Перев.
 М. Тарлицевъ. М. 1802. — „Филоклеса“. Перев. съ француз-
 скаго, 4 гасри. 1803. — „Заметки для зрѣмой пероринъ сло-
 втескаго разума и сердца“. Два гасри. М. 1804. — „Ира,
 морная купель, или наказанный мучровидъ“. Перев. П.
 Пурровъ. 1805. — „Арисхитъ и какоторые изъ его сообретен-
 никовъ“. Перев. М. Тарлицевъ. Восемь гасри. М. 1807—1808.
 — „Вазела, или меланидъ“. Повесть въ стихахъ. Издание А.
 Пущинска. С. 1835. ✗

Школа Виланда.

Виландъ не имѣлъ закои массы поелодователей,
 какъ Клопштокъ; напротивъ, въ молодости, какъ уви-
 димъ впоследствии, общице направление его грядель,
 поези вызывало неудовольствіе; гдаль не менше отъ
 крупный и очень полезный грядель въ немецкой
 литература: въ 1-хъ, до него образованные аристократы
 въ Германіи, воспицанные на французскихъ книгахъ,

И Нюкатория естимой, какъ нѣмъ, „Золотое зеркало или царя
 Шемпанские“ переведены съ французскаго.

относился ко литературе отечественной или ее худо скрываемого Грезливоевья, как Фридрих Великий, или ее зажимы увасиеніемъ, въ которыхъ вовсе не заключалось змелая блисне познакомитъ, съ ее нею. Даше же выгодное въ друиыя орноменія отеродрелсезво, что главныи дядьдяди въ ктмещъ, кой словесноеи были профессора или, по крайней мере, люди съ универзитетскимъ образованіемъ, въ глаза съозекитъ людей дтало е скудной и педагогичной. Савъ пренославленный Клонъ, шрокъ своии скандинавскими богати и богатейвои дзика своего, также какъ и искренноеио вырасна, еманъ швъ кубезвъ, требовали непрдурного для швъ напрудсентія. Виландъ писалъ легко, свободно и оетроично, такъ что уже за одно это были дозозвова названія ктомскаго Вальзера; своей манерой пи, сартъ, также какъ и своей одицепондурной философией, оавъ, подобно тому, какъ Карамзинъ, вздуритъ въ швъ, зереси словесноеи людей, которые до зталь поръ род. шро зталь упозреддими зомько въ дтловыи бумагахъ и въ переплеткы съ управлѣнщички. Во 2. хъ, Виландъ, какъ писатель, независимый оръ литературовиы пердуріи, и заландливый популяризаторъ науки, являеся дозозвоиыи предшесезвеносикомъ Лессинга.

Виландъ находилъ себя многочисленныи гизаре. лей не въ одной зомько Терманіи; какъ поразири огромное количество переводовъ швъ Виландъ, змачи зелько превышающее число переводовъ швъ савного Вальзера, радикализиръ идея котораго мурдался въ зомь, чтои его развели водои ктмещское благораз.

умие и умеренности.

Школа Виланда не имела будничности, и боги, шикство ее предсказателей усиливали недооценки Виланда, не имевшей его достоинств; между ними было особенно много абсррийцев: в каролингской Абсррии должно было быть сильное стремление не, властвовать жизнью и осмысливать жизнь, кто слишком серьезно относился к ней. Романы, подразнившие Каролю и Аддеризаль, впадали в зомь фроблаза, а поэмы по, сноговаителей Виланда уродами романтических сю, жезы настолько, что глава школы озвещивалась озо своими поклонников и учеников. Самыми даровитыми между ними были абсррийцы Алькеин, герь, Блюмауер, Мюллер и др.

1755+1797. Фронт-Алькеингер (Фон. Варт. v. Alkingen), род. в 1755 г. в Витте, учился философии и юриспруденции, сделался придворным агеологом, поэт, в 1794 г. секретарем дирекции придворного театра и умер в 1797 г. Алькеингер подразнял Виланда, но не имела зворческой силы. Его поэмы, Doct. lin von Mainz (Доклмы Майнцский), Blionbergis и др. имели все-таки свои успехи и прилеж., но выработанными языком облагораживающее влияние на вкус в Абсррии. Его соотечественники — Блюмауер и Мюллер.

1755+1798. Алойс Блюмауер (Алойс Влиманг), родил. в 1755 г. в Швайер (zu Stain), сделался лекуником в 1772 г., поелт закрытия ордена был цензором и умер в 1798 г. — Он пародировал по примеру В. В. Михаласа Энеиду Виргилия (Abenteuer des

1) в гестри псевда.

2) в станагази псевда.

+1) Faublas - урод
romana / les
amours de Fau-
blas) Lybe (don-
vet), написанное
в конуе
XVIII века

в прелезности
по фроблантом
с Кадризом
завис

Stimmen Helden Aeneas - Поклонения каменного
героя Энеаса). Комическая сила этой поэмы ле-
жит в прозвонимости нового свитта
к древности и в тонкой сатирической прозе выражения
нового образования. Лирические, большею частью, ко-
мические сценозверения Блюмастера - Фридрихы
и посылы; но и проза, как напр., „An die Do-
nau“ (к Дунаю) - сценки и доэпические.

1767+1807. Фридрих Мюллер (Friedr. Aug. Müller), родился
в Витте в 1767 г., учился в Галле и Гертингене
древней и новой истории и Кантовской филосо-
фии, жил с 1793 г. в Эрлангене, возвратил-
ся в 1804 г. в Витте, где умер в 1807 г. - Мюл-
лер, однако не счастливо залатывавший подража-
тели Виланду, не был столько замечательным по зву-
ческой силе и композиции, сколько по карти-
нам, особенно по описанию душевных настрое-
ний. В „Richard Löwenherz“ (Ричард Львиное Сердце,
Витт. и Stuttgart 1790) герой - великолично сообразен;
но это была ошибка, что он почти немогущий,
но являющийся в Гютерне. „Alfonso“ (Gott. 1790) напо-
минает ^{в композиции} (как слишком) об „Обероне“ Виланда,
и как по полноте прекраснейшего, глубоко проучивающего,
наше время, недосягаемого „Adalbert der Wilde“ (Adal-
берт Дикий, Эрз. 1793 г.), но эта поэма так же, как
и другие, возвышена озвучившими образами высшей
автора. (X)

Подобное Виланду видение доэпические свои со-
чинениями Мюллер и Шюльманн.

1735+1787. Карл Август Мюллер (K. A. Müllers), родился в

У него эти последние Виланда умерли раньше своего
настера - образца

1735г. во Зенге, учился затем же богословия, был профессором в Реймаро в 1790г.; умер в усне в 1787г. — Издатель написал „Grandison II.“ (Битен. 1760-62), издал переработанным: „Der deutsche Grandison“ (Там же 1781-82). Это — написание гув. сублиментов, сестри. центральные романы; его „Physiognomische Reisen“ (Физиогномический путешествие, Алтенб. 1778-79г.), это — написание физиогномии Мафазера. Другие значительные его, „Volkstümchen der Deutschen“ (Немецкие народные сказки, Тога 1782-1786г.).

1738+1817. Мориц фон Шюмберг (Moritz August von Schumberg), родился в 1738г. во Шёнфельде у Лейница, учил. сн во Лейциге юриспруденци, в 1761г. был ка. мерктоккером в Кобурге, с 1768г. был саксен, кобургским министром, в 1771 и 1773г. сфера, вился во Вены, путешествовал по Голландии и Франции, где озадал до 1777г., оставил в 1783г. пост министра, чтоб заниматься литературою и путешествовать; он умер в Кобурге в 1817г. — Его кохико. германская поэма „Wilhelmine, oder die Wittwe“ (Вилгельмина, или вдова, ^{Кохико. германская поэма,} 1764г.), та, самая первоначальная сценка, предзавлерж вторую картину немецкого права во время Семилетней войны. Это — история сельского пастора Зедольда, не знающего, женился ли он на дочери суперинтендента, обманывающего его свое покровитель. сство, или на бедной, но хорошей Вилгель, мине, везувирь гофр-маршал в столицу, в

капсулы камериерки; зато шибверт она гезоре года; наконец Зедонду Яккеря во ент ботт мобви и побудидаерт его пхарт вь сзоллицу, проситт руки Вилгельминны, што оны и далаерт, а годри-кар. шалт на свой ехерт узраиваерт свадебный тирт. Гораздо лучше зтого романа: "Reise in die mittl. u. l. Provinzen von Frankreich" (Путешествие во южную провинцию Франции, 1791-18052.), пред. ставляющее картину до-революционной Франции, хотя также вь форме романа, но по-чуждому разныи скадрёмныи эпизодами. Ва нелт изложена мысль, што изь едварта слоду, ерт происходитт порга правови и вельдертвие зого-испроберение государева.

Другие последователи Виланда: Николай, Тернер, Кенс, 1737+1820. Людвиг. Гейнрих Николай (Ludwig Heinrich) ^{перв и др.} (Nicolaus), родилт вь 1737 г. вь Эрзбурге, былт также профессором логики, вь 1769 г. воститт заглавн великаго князя, ввельдертви ишера, зора Павла I, вь 1782 г. пошаловант дворянство, вь 1798 г. былт директором Академии Наук вь Пезердурге, вь 1801 г. займилт еовтзниконт, после смерти императора самт оны вь своемт ишотии Монрепо (Монрепо), гдт умерт вь 1820 г. — Нисе, лай образовант Виландомт и швалцманнми Ари, оеро (1474-1533) и Бойандо (Bojardo, 1430-1494), заим, ербовант у ниль свои сюжетт, обрабозываат эпизод, да ниль сочиненитт еа. хозяйственыи познани. Дво сочиненитт: "Richard und Melise", "Arcineus Fasel" (Сезровт Арициад), "Reinhold und Angelika", "Mor."
 1) у гор. Вилора вь Фрунландии.

danens frofte" (Пенцера Морганена) и др. У Виланда
онъ заимствовалъ причудливый карикес и слово-
охотливостъ - говорливостъ. Его басни, рассказы
и сказки хороши, но элегии (Elegien) и эпигра-
мы - пошла.

1738+1821. Фогановъ Тимофей Термессъ (Joh. Timotheus Hermes),
родился въ Пенцницѣ у Сваргарда, учился въ Кениге.
берге богословно, занималъ некогорой дулов.
канди должностю и учерь въ качествѣ суперинтен-
дента и профессора богословия въ Треслау въ
1821? - Термессъ образовался Виландомъ и Тугардъ,
сопоскъ, но пренебрегалъ прекрасную форму по-
сладняго, поэтому что ему романовъ были средозвоить
сообщить свои мысли о различнѣхъ пунктахъ
практической морали. Самый лучший - его первый
романъ "Gefährliche Gut Miss Fanny Wilkes" (Лпз. 1766); его
второй романъ "Horizens Raub von Kessel auf Sachseu"
(Тамъ же 1770-73), хотя въ художественномъ отно-
шеніи - меньше значительны, но въ качествѣ первого
романа съ описаніемъ нѣмецкихъ нравовъ, обычаевъ
и характеровъ средняго сословія онъ имѣеть все-таки
свои достоинства; кромѣ того это многогранное
сочинение распространило ^{въ одинокимъ кругу} массу гасствъ повѣстей,
частью хорошихъ идей о военизаціи, литературы,
религии, философіи жизни и т. п. "Fünf Töchter edler
Herzkunft" (Для дочерей благороднаго происхожденія,
зачъ же 17872.) и др. - также преимущественно съ
дидактическими характеристиками, но иногда гораздо болѣе,
не въ плоскости.

Было многочисленное другіе ученики Виланда

(„Jüngere Wielands“), майстер (A. G. Meißner, написав-
 ший „Spizzen“ - Очерки и „Alcibiades“ - Алкивиад), да-
 же Книгге (A. von Knigge), романисты и сочинителями
 комедий: Фюнгер (B. F. Fünker) и ^{Андерс} Валь (Anton
 Wall) способствовали распространению фабричной,
 искусству и поэзии вродной легкой беллетристики
 („bunte Belletristik“). X

Готтхолд Эфраим Лессинг (1729-1781).

Сознание, что польща пересали Бург малкими
 подражателями французова и погубововали соб-
 ственную духовную силу, это сознание своей са-
 мостоятельности, выразившееся до сего поря сво-
 радически и зачастую фтозски незрело, нашло
 себя полное и лучшее выражение в гойзель-
 ноери Лессинга. Съ самого начала Лессинга за-
 нимаю независимую точку зрания; онъ именно
 началъ какъ врагъ Готшеда, но изъ-за этого не
 отдалавишея оруженосцемъ Готтера, рано пока-
 залъ себя самостоятельнымъ критикомъ, вни-
 тательно слѣдилъ и за развирания Виланда, осмы-
 шлявалъ его метательность, озражалъ его полеми-
 ку, унижовалъ его драмы, хвалитъ его Агаона,
 раздаллъ его воезоргъ передъ цвѣтущими Аона-
 ми, а въ драмѣ, какъ Виландъ въ зность, возвелъ
 въ высокую литературу изъ однихъ хортоний къ
 гойзельной силѣ.

1729+1781. Готтхолд Эфраим Лессинг (Lessing) Быва пдъво
 годани полонне Клопшюка и герирбид годани
 сфарне Виланда: онъ родилея 22 Января 1729 года
 въ сзранѣ славянской, въ верхней Лузитавии,

или ^вВерхнемъ Лауцицѣ, въ небольшомъ деревнѣ,
 лужицкомъ городкѣ Каменницѣ, гдѣ отецъ его, по
 одной версии чистый саксонецъ по происхожденію,
 нѣтъ, а по другой — славянинъ по происхожденію
 и нѣмецъ по воспитанію, былъ пасторомъ и имѣлъ
 двухъ дочерей и десятирочна сына. Отецъ его,
 человекъ очень серьезно образованный, когда-то
 готовился къ университетской кафедрѣ по богосло-
 вію, но потомъ удовлетворился болѣе скромною
 должностію — провинціальнаго пастора, ономъ былъ гимн-
 зійскій пасторъ своего времени — человекъ строгій
 и зѣрчивый нравомъ, но нѣсколько односложно-
 ній. Его старшіи сыновья, Готтлобъ Эрраманъ, будущій
 писатель, были уже рано развивающіеся таланты.
 Воспитаніе было полагать Лессинга въ духѣ су-
 гаго лютеранства, ономъ сперва учился дома, потомъ
 въ школѣ роднаго городка, откуда отецъ вывелъ
 его, недовольный слишкомъ либеральными наслѣ-
 дии начальника школы, который на театрѣ смоз-
 равилъ, какъ на одно изъ педагогическихъ средствъ.
 Свое гимназическое образованіе Готтлобъ Эрраманъ
 получилъ въ княжеской школѣ въ Мейсенѣ,
 въ позорно ономъ 12-ти лѣтъ, въ 1741г., поселившись,
 уже будучи въ созрѣвшемъ свободномъ гугартѣ средней
 трудности латинскихъ классиковъ и порядочно
 зная по-гречески. Мейсенская школа, родъ духов-
 ной семинаріи, была основана Королемъ Саксон-
 скимъ съ цѣлью подготовлять канцлеровъ про-
 фезанцизма; латынь въ ней преподавалась болѣе
 20-ти часовъ въ недѣлю, тогда ученики могли

приобретши хороший латинский язык; в сегоднем
 заведении они пользовались сравнительно большою
 свободою, а от вышнихъ мировъ почти не
 имали сообщеній. Учитель рече замѣтилъ оу,
 лична способноста Лессинга; одинъ изъ оныхъ
 сказалъ про него: „Эгози мальчикъ — огонь; изъ него
 выйдеть что-нибудь или очень хорошее, или очень
 дурное; ему недосужагоно зой нинзи, которуо
 предлагаеть ему наша школа“; ректоръ называлъ
 его лошадию, котороу нунинъ двойной корнъ.
 Пробывши зана иль мюль, Лессингъ сзавъ сибъ,
 по зомиреся сзреллетиемъ къ академическоу сво-
 боду, и, къ счастью для него, война сократила на
 одну годъ его пребываніе въ Лейпцигъ. Слѣдъ-
 зази мюль, осенью 1746 года, оновъ поступилъ въ
 Лейпцигскій университетъ, по богословескоу франку,
 зеру, но мало посещалъ лекци, зозъ самосходъ,
 зельскими задрядилъ по звѣкамъ и илтературе
 прѣобретъ несравненно болге знаній. Но на пер,
 все время оновъ превозовалъ себя въ Лейпцигъ за-
 нунининъ и одиножилъ. Лейпцигъ бивъ въ зо
 время самымъ цивилизованымъ городомъ свѣр-
 ной Германіи; старый университетъ съ массою
 профессоровъ и студентовъ, веселая обществен-
 ная жизнь, поередничій театръ (въ самомъ Бер-
 линѣ въ зо время Броддича Фрунть давали свои
 прѣдставленія въ балаганѣ) зылали Лейпцигъ въ
 мѣзкимъ Парижемъ. Увидѣвъ, какъ мало школа под-
 зобовала его къ жизни, Лессингъ сзавъ учится
 фехтовать, рисовать, гздувъ верховнъ и капаль усердно

постоянно студентские и профессорские кружки, где охотно принимали чужака и хорошо подготовлен, мало юному. Скоро попал он в театр, который произвел на него такое сильное влияние, как впоследствии на Фронвизума, скоро свел он зна-
комство с директрисой театра, знаменитой Кей-
берг, и с актрисами, свел переводить для театра и
получил возможность посещать его даром. ^{Услы-}
шав о том, родители решились вызвать сына ^в
в Каменец, и отов исполнили их желание.
Старик удивился, когда, что он вовсе не
был ибдница и будно, как его изображала
молва, напротив, при мвднца сидеть дома и,
зав и сочинять проповеди. ^{но удивление мастера,} оказалось, что те-
убодилея, что его сына приобрел многогоров,
ник и основательская знамя. Но мвд фолько во-
родилея сына - Торхонска Эрранло - в Лейпциг,
как пошли слухи, что он по-прежнему не
ходит на лекции, и водит ^{продолжает посещать театр} компания с вобно,
друзьями Миллессон, Вейсе и актрисами, а слу-
езд полгода получило наконец колосилея,
ное извещеие, что он покинул с Миллессон
Лейпциг и, ^{прожив в воли радиард} переселился в Берлин в 1748г.,
где жизнь его была очень не завидна: он зани-
мался исправлением латинского перевода, г' Эр-
бловской. Восточной Библиотек; в 1751г. воздвиг
в Виззенберге для выдержания магистерского эк-
замена и составлял рецензии для Прусской та-
зеры. Жизнь в ограниченно-ученом городе
была для него невыносима и он возвратился

Но дружба с ак-
трисами доставила
Лессингу ряд не-
предполагаемых:
расходы преврати-
ли его скромную
суммендо.

оказалось, что те-
атр не едвдлал
его сына порог,
ислв, а утв его
значительно раз-
вилея и обогати-
ел вниматель-
и лекциями
философского
фрагмента.

Он приобрел степень "магистера артиум". Кроме фран-
цузского языка, он знал хорошо английский, занимал-
ся итальянским и испанским

въ 1753г. въ Берлинъ, гдѣ около него собирався
 литературный кружокъ, козоровъ державль себя
 независимо и оубъ швейцарцевъ, какъ и оубъ гоуше,
 дианцевъ, не воссоздался ни Клопштокъ, ни
 Шюклинъ; наиболѣе выдающійся членами
 его были книгопродавецъ Николай (Nikolai, 1739-1810),
 еврейскій купецъ, философъ Моисей Менделсхоу
 и (наибъ уже знакомый) преподаватель-профессоръ
 Рамлеръ. Въ 1755г. Лессингъ предполагалъ оубра,
 выѣхать въ Москву, для занятій одной изъ кафедръ
 вновь оубретаемаго университета; но предполо-
 жение это не создалось, вслѣдствіе предпочтенія,
 оубданнаго Рейхелло. Въ томъ же 1755г. Лессингъ
 поѣхалъ въ Лейпцигъ; тамъ представилъ ему
 случаю пополнить свое образованіе путешесвіемъ;
 онъ принялъ предположеніе одного молодца богатаго
 юнкомм (Битклеръ) отправилъ съ нимъ, въ качествѣ
 компаньона, наезавника и руководителя, съ малю,
 банбель зоо залеровъ въ годъ, въ трехмѣсячн. пу-
 тешесвіе по Европѣ — черезъ Толландию въ Англію.
 Путешесветники оубравились въ туръ, но, по приѣ-
 зии въ Амстердамъ, были оубрновлены извѣстіями
 о нападеніи Фридриха II на Саксонію и занятій
 Лейпцига прусскими войсками. Итакъ, вслѣдствіе
 этой войны прервала это путешесвіе въ самомъ
 началѣ, въ 1756г., и Лессингъ вернулся въ Лейп-
 цигъ, гдѣ и оубрался около двухъ лѣтъ. Это было го-
 рднее время для Пруссіи и оубравъ, пригласившихъ
 къ ней; Фридрихъ Великій, верунивший въ борьбу
 съ цѣльми свѣдѣть и на голову разбитый него.

Буднично французскую армию, не только сама стала
 героиней, козорого смелю сравнивали с Цезарем
 не къ выгоде послѣдняго, но и поднимая до героя,
 изгна все свой народъ. Подвиги его арміи вдалеко,
 были, говоря языкомъ того времени, многими Пам-
 даровъ и Тораціевъ, и Дайервирельсъ, подъ влія-
 ніемъ великихъ событій многіе суживорцы стали
 на время поэтами. Около Лессинга въ литератур-
 номъ Лейпцигѣ, естественно, соудавился кружокъ,
 гленили козорого были (накъ уже извѣстныя)
 Вейссе, Клейсръ и Брабе. (Поэтъ Вейссе, Клейсръ,
 были въ то время майоромъ прусской службы.)
 Вильсръ съ злимъ поэтомъ Лессинга провелъ
 веселую и драждельную жизнь. Но въ 1759 году
 Лессингъ уже не жилъ въ Лейпцигѣ; у него со-
 зрѣла мысль о критическомъ органѣ, особенно
 необходимомъ въ эту пору восторговъ и увлече-
 ній. Онъ переехалъ въ Берлинъ и залъ вильсръ
 съ Мендельсономъ и Николаемъ сталъ издавать
 „Literatur-Zeitung“ („Литературная писемка“), Будто
 бы писанный къ одному рамекному образован-
 ному офицеру, козоровъ доминдалъ своего измъ,
 ченія въ маленькомъ городкѣ, гдѣ нельзя было
 достать книги. Душого зтого журнала (издавалъ,
 шагодъ въ 1759—1764 г.) едалался Лессингъ, чъ съ-
 зей козорого почти исключительно соудавлены
 первая его книжки, озлилавився особенно мезе-
 козрою своихъ нападеній. „Литературная писемка“
 имъли большой успѣхъ даме въ то политически-
 бурное и неудобное для спокойной критики время.

на самомъ Лессингу они наскрипим довольно скоро: ему надо было высказать свои основныя положенія, свои принципы, а гитлер судъ и расправу надъ новыми сферами и книжками бы, то было, для него слишкомъ мелкое. Это ис-
 токъ изъ Берлина въ 1760 г., ботъ вѣдома друзей,
 и оказался въ Преслави секретаремъ или, точнее,
 правителемъ дѣлъ при генералъ-губернаторѣ фонъ-
 Шауэнцигъ. (Съ генераломъ фр. Тамплицъ Лессингъ
 познакомился у Ф. ф. Клейера въ Лейпцигѣ). А
 Менделесонъ и Николай издавали „Литературную
 пиства“ до 1765 г. Самъ Лессингъ закупо схраняемо
 Межапорфору объяснилъ зо сфремленіемъ оу книж-
 коу шивнымъ моддямъ, зо меланіемъ цѣри на вре-
 ма въ кору и закузасекъ въ науку, тогда по-
 зомъ въ пованъ блескѣ показася на своеръ бо-
 жинъ. Кроме эуи въ духовныиъ побуденіи, козорви,
 не сморъ на свою видимую прозвуположиоерь,
 поили дуйзрвоваъ и одновременно, безъ сомнотид,
 игралъ роль и разечеръ материаловый: Лессингу
 надоело быть литературнымъ поденщикомъ, и
 отъ хотель поработать на досугъ, не изъ-за де-
 негъ; кроме того, отъ шивль долги, а его братья
 и сестра нуудалис въ денежной помощи. Лессингъ
 осцавался въ Преслави подѣ игоу (1760-1765 г.), ве-
 да весьма разотдичноу жизнь. Все съендѣемый
 недосадкомъ денегъ, отъ мотъ пользовася вѣт-
 ми развлеченіямъ и пользовался ими широко.
 Все утро отъ усердно работала на слудѣ, после
 обѣда принимала дѣловыиъ визиты, а позомъ —

своихъ гоудей, везера же, обыкновенно окруженнаго
 толпою придворей, оны заключала театралья и
 дружескии уединеня, посылать корзола, чухъ же до
 света, корозаль вреня за картами. Трудно по,
 нярь, когда оны находилъ вреня чизаръ, не говоря
 уже о тисанн. А между прочимъ, оны не только со-
 брали за это вреня хорошия библюотеку и рас-
 ширилъ свои знанія, но и написали два разно-
 родныя, но почти въ одинаковой степени гра-
 диозныя и долготочныя соуду произведенія.
 Да и самая служба и долговид соудковенія съ
 модбни принесли ему не меньшю пользу, чюдъ
 когда-то аврору Доновъ-Кидола Ламавичекаго. Въ
 1762. Лессингъ вернулся въ Берлинъ снова вице,
 разурнилъ Бобилетъ и занялся приговореніемъ
 въ изданію написаннаго имъ въ Бреславля: дра-
 мы — комедіи, „Книжка фронъ Барнгельмъ“ и издать,
 добавилъ-разурженія „Лаокоонъ или о границахъ
 живописи и поэзіи“. Возвратившиси, корозилъ пово-
 галь Лессингъ, были недовольны, что оны просилъ
 службу; но Лессингъ уверовалъ, что она слимъ,
 кому спосняла его и что для него пришло вреня
 вполне оудачъ излюбленной дядзельности. Впро-
 чель оны надялся найди и въ Берлинъ прозное
 положеніе: въ 1765 г. учерь Faulstier de la Croze, биб-
 лиот директоръ соудвенной библюотеки короля
 Фридриха. Тюръ, кому было поручено найди ему пре-
 емника, оказалъ модбзельмъ итаецкой мизера,
 Фурри и предлозилъ Лессинга; о мизера разурнилъ зру-
 дакъ его Фридрихъ не италъ, повидимому, ни на.

тайного кондэра, но похитили его фамилию по
 малодушью Волтера и отказався на острове. Когда
 предложили Вилкельма, козоровый соглашался
 съ удовольствіемъ и зорько просилъ ^{два тысячъ} 2000 залеровъ
 въ годъ, но Фридрихъ сказалъ, для чинаща дозрароч.
 по и 1000 зал., и дало разошлось. Тогда снова
 и насройчивые прескидло заговорили о Лессингъ;
 Фридрихъ разсердился и объявилъ, что она въ,
 пицерь французъ; оны исполнили свое надмере,
 ніе, и выписной французъ оказался челоукономъ
 насройко образованномъ и развитомъ, что въ
 1783 г. оны осидали съзопреэравлесій и утакали
 на родину, гдѣ бы верзотуръ это негалское собы,
 діе не въ ередисеской охранѣ. Воуръ кого пред,
 носель Лессингу герой просвотригельнаго вѣка,
 Фридрихъ Великій! Просишь два года въ Берли,
 нѣ, въ здыелонѣ поломенин, въ козоровѣ ввергла
 его собезвенная паразезуливоерь, ~~въ~~ ^{Лессингъ} теодидан,
 но получили приглашеніе занять мѣсто драм.
 зурга при зеартѣ, козоровый уезралвался зогда
 въ Тамбуртѣ, подѣ именовъ, національнаго Лес,
 сингъ принялъ предлошение и, по приоздѣ въ
 Тамбуртѣ въ 1767 г., началъ издавать зеартральнѣй
 шезокъ, въ козоровѣ раздиралъ пѣссы, играннѣя
 на зеартѣ, и игру акзеровѣ, принимавъ на себя отвъ,
 занюерь зеартральнаго кризика. Изданіе журна,
 на продолжалось ровно годъ, съ апрѣля 1767 до
 апрѣля 1768 г., прикель было выдано 104 нумера.
 Немногимъ болѣе продолжалось и существованіе
 національнаго зеартра. Единственномъ резулста.

Жизнь утомительного предпріянія оказалась газетной журнальной лексикой, знаменитая „Тамбургская драматургия“. По падении предпріянія, Лессинг вновь увидя себя въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Ему шель уже 40-й годъ, а у него не было, что называеся, ни кона, ни двора; между тѣмъ итакже въ это время онъ находился въ опредѣленномъ обществѣнномъ положеніи: онъ лю, биль и мечталъ о меншрбѣ. Во время пребыванія въ Тамбургѣ онъ близко сошелся съ однимъ купцомъ Кенигомъ и его милою и сиротиною женою. Кенигъ умеръ во время одного путешествія, и Лессингъ скоро почувствовалъ, что эва Кенигъ — единственная меншрина, съ которою онъ могъ бытъ счастливъ; но гдѣ ея душа оказалась въ крайне запущенномъ положеніи, а индуратур, киль въ трудномъ Лессингъ и себя одного содержалъ много. Ему хотѣлось проѣхать изъ Тамбурга, проѣхать изъ Германіи и прямо въ Римъ, въ Уралю, куда онъ уже давно стремился всею душею. Того онъ жалъ некаль? Тамъ нехоритъ искусство и эстетикъ Вин, кельманъ умеръ въ Триестѣ отъ руки удильца. Лес, ситъ хотѣлъ задрѣ его мнѣшо, французски, сара, дѣлъ заливширъ Винкельмана на жалъ павръ, гдѣ онъ былъ какъ ватеной для вѣдѣль археологическимъ индуреевомъ двороны, въ непосредственномъ знакомствѣ съ пандраниками жалъ, гдѣ иль было болѣе всего. Для того, чтобы издавать, изолковать иша, распредѣлять въ нехоритъ искусство и эстетикски оцѣнивать, требовалась полная сила искусства и

ее сродно положить на это. Но этого таланта не
 могъ осуществиться по различнымъ причинамъ, меж-
 ду прочимъ по неимению денегъ для поездки
 и потому, что судьба Лессинга измѣнилась, наконецъ,
 къ лучшему. Въ 1769 г. онъ получилъ много библію-
 текаря въ Вольсфендторфелъ, у герцога Брауншвейг-
 скаго; но шаловатые его были такъ шитомитомъ
 (съ 600 залеровъ въ годъ), а дѣла вдовы Кетинга бы-
 ли такъ плохи, что Лессингу пришлось еще в мѣсяцъ
 пробовать мѣнникомъ. Несмотря на все это и несмотря
 на то, что геловнику, привыкшему къ большому горо-
 дакъ, не могла нравиться жизнь въ маленькомъ
 провинціальномъ, отъ всего далекомъ городишкѣ,
 Лессингъ утверждалъ себя въ Вольсфендторфелѣ на
 первое время хорошо: онъ работалъ теперь покой-
 но, не горюясь, не изъ-за гонимару; въ рукописи,
 которыя отдалъ библіотеке отъ насель много ин-
 тереснаго и могъ дѣлиться зримъ съ публикой.
 Одними словами, это много было досройное его
 и озвощающее его склонности. Въ 1775 г. не-
 исполнилось давнишнее желаніе Лессинга: принцъ
 Леопольдъ Брауншвейгскій взялъ его съ собою
 (черезъ Франку) въ Италию, гдѣ онъ и провелъ около
 года. По возвращеніи оруда Лессингъ снова за-
 нѣлъ свое место въ Вольсфендторфелѣ. Одинокимъ
 и часто въ борбѣ съ нуждой и долгами отъ про-
 шель свой шизменчивый изъ до сорока воемого
 года; наконецъ ему какъ будто чинилось счастье;
 по возвращеніи изъ Итали онъ получилъ при-
 бавку шаловатѣ, 200 залеровъ въ годъ, и въ 1776 г.

История итал. мизантропа XVIII века.

наконецъ моя обвончался съ своею кавказскою
мобильною невосзою и въ первый разъ зашихъ
счастливо и покойно зимнего. Акая, глядя на
нашъ меншица, два Кеминъ, теперь его жена, и мнѣ
ла на него наилучшее влѣніе, сдѣлала его спокойнѣе,
нѣтъ, поездничнѣе и удерживала его отъ поестнѣе,
нѣтъ рѣшеній. Несмотря на прошлые зруды и
мименія, Лесинъ сохранилъ кроткое здоровье,
отъбывавшее, повидимому, продолжительности счастья.
Торазъ годъ отъ бывъ ордонъ, — по зольско на итескомъ,
ко часовъ: его сонъ, родившійся въ родинѣзванскій
сочѣлникъ 1777г., умеръ уже черезъ 24 часа, а 10
января 1778 года умерла мать сама и Лесинъ снова
бывъ одинъ на своемъ. Съ горькой, душою раздражае-
щей проклятіемъ шмезъ отъ по. этому побѣду своему
привѣтло писма, писма, исполненный такого
глубокого, бездоннаго боли, какія до него писалъ
зольско Фридрихъ Великій въ саинѣхъ зянелънѣхъ
попоменіяхъ своей жизни.. моя радость была
краскореметная. А не хотѣлось мнѣ зрѣть
сына: отъ былъ какъ умѣю, какъ умѣю! Не думай?
же, что за итескомъ часовъ моего «радильсхва»
я приобрѣлъ много радильскаго саинънѣе, я
знаю, что я говорю. Развѣ это не умъ, что его дожи,
но были выхаживъ на своемъ шельзничнѣхъ шинъ,
мнѣ? развѣ это не умъ, что отъ воспользовался
первымъ случаемъ, чтобы уйти со своего?.. Вздучалъ
я: дай же я буду много радости въ жизни, какъ
другіе люди. Но плохо кончилось для меня.. Же.
на моя умерла, и зору отъ не линовалъ меня.

Я радуюсь, что мы не ощущаем уже много за-
 жать отцов, и мы советуем легко!... Лессинг
 пережил свое счастье, свое горе всего только три
 года и умер в Брауншвейге 15-го февраля
 1781 г. Но и эти три последние годы прошли не
 безплодно: он усиленно работал, полагая,
 равая и создавая величайшую из своих драм:
 «Назана Мудрало».

Лессинг также как и Виландт происходил
 из пасторского дома и рос в почитании Лотара;
 но у него никогда не было ничего общего с
 физиком, и его поэтическиму духу недоставало
 того замесветного очарования, того захвата чув-
 ства и воображения, которыми Клопшток и Ви-
 ландт выжились в школе, полной религиоз-
 ного чувства. Но ища Лессинга упоминается в
 кнѣжеской литературе также долго как и
 Клопшток; но в прозвонимомъ въ
 потому Клопштоку Лессингъ быстро созрѣлъ; въ
 то время, какъ Клопштокъ почти безъ развития
 держался на своей несладкой почвѣ, поприще
 Лессинга идеъ по восходящей линіи, не разе-
 шивает, но многосторонне, въ удивительномъ про-
 грессѣ, въ которой проявляетъ все новыя способности,
 снѣ богатой природы. У него было мало заговора со
 прикрасованіемъ съ писателями «Бременскими три-
 Таблоніи» (время Beiträge), которыми держался Клоп-
 штокъ. Мы видимъ эти саксонскіе поэты
 благообразными, добросердечными, самозабвенными,
 исправными въ снѣ, также какъ въ религиозномъ

и политическом образе мыслей; они жили как мирные граждане, без борьбы, без столкновений, сгасливые в посредственности; спокойные помыслы, которое прилестно и разумно обрабатывая, возь свое маленькое поле. Напрозвив зого лесенны хосезь предприимчиво цезиряель вь озкрытое море; онов принаглешивь къ зьльмь саксонцалмь ситной породы, которые сзрелязель за предтлмь своего зьльмь, наго озелезва и вь тмьмь подвиговь ищущь болые широкой арены. Онов не озлмязель крозозьвго и миролюбивь, а напрозвив гозовь напасель. Онов борзель сь посредственностью и не хосезь знаель о взаимной зертимости и бересимости мелкийь умовь. И зьльмь болые слмдцель цьмивь его гозовьмь къ борзель, что онов никогда не высзумаель революцонно, а вездь приывкаель къ сущезьвующемь порядку, сивязель сь фракцалмь и при исьго реформ, национной ревкьезь сзрелязель вьвдизь зьльмько позеленный улущемий. Ни вь поэзи, ни вь науке онов не бивь радикальнмь новаторомь; онов никогда не зельель вьззренидго равновесия и зого радикало закз вь возмозимомь и полезномь, ищ, который закь легко зельель буривимь сердцеель поэта. Но безнокмьсзвго, золкавивсь его все вьпередь, готивь его сь мьезь на мьезь; его личное пономь, не зьльмько поздно дмьлаель прочивимь; и хозь зьльмь, мь могли спосодзрвобавь и неблагопрятный одзудельсзвва, но президе всего биво дмьломь его зьльмь, рамьнзь, что онов не мовь сьбь сьззвбавь, что онов легко начиваель и бисзро порываель озкьомемий,

интерьер путешествия, жизнь новой обстановки,
новыи возбудения; цыли сезаюзея рѣше, но
средства индустри; надираторед эпизода, нуть
отклоняется въ сторону, нуть недоезжая въ раз,
огарованиах; озвасиной мореплаванъ стѣнноре
озъ берега къ берегу, собираетъ различныи приобиль,
но оны не уверяетъ олози основарся на одностъ
мѣстѣ. — Въ литературной драматической Лессинга замечательныи
главные периоды. I-й периодъ начинается съ 1747г. и продолжается до 1755г.
II-й периодъ (до 1772): Лессинга замечательныи развитие Лессинга; оны
въ 1747г. оны выступилъ съ мелкими сатирическими
пьесами и комедией „Damon, oder die wahre Freundschaft“
(Дамонъ, или истинная дружба) и обработана для
сцены своего комедия, надросанннцо еще въ школы,
подъ влиятельно Плавза и Теренция „Der junge
Gelehrte“ („молодой ученый“). Директриса Нейдера
привидла ее на сцену, и комедия 18-мозидло сру,
детога своимъ ценностямъ навсегда рѣшила судь,
бу авзора. Выборъ темы самъ Лессинга оубаиваетъ
очень характерно рѣшилъ, что оны тогда еще не знали
жизни, и единственныи видъ стѣнноре, знако.
мый ему въ мауртѣ, было буквоотдѣло. Пьеса на,
писана по рецензу Гюгера: ишена въ ней не
къ немецкой, единственъ времени содмодено сурого,
интереса запущана и нематурална. Въ зрой пьесе
будущий авзоръ Эмилиа Галорри и Назанка Нудраго
видетъ золько въ нѣкозорнѣ рѣшанахъ ласей и его
ученала барина, но первый слишкомъ развитъ для
своего положенія, а второй иногда сбываетъ героз.
чуръ ученъ для надурого педагога. Во все-таки эта
комедия „молодой ученый“ означаютъ золько эманципана.

I-й периодъ (до 1755): Пьеса главныи моменты — отношения къ Волтеру и „Миссъ Сара Самсонъ“.
II-й периодъ (до 1772): Литературныи пьеса на „Минна фонъ Барнхельмъ“, „Мако
отъ“, „Гамбургская Французская“, „Миллварская пьеса“ и „Эмилиа Галорри“. III-й пери.
одъ (до 1781): геологическая борса и „Наванъ Нудраго“.

цито: педагогическое, которое онъ замѣтилъ осмысливая,
 было его содѣланнымъ, потому что уже маленькимъ
 онъ любилъ книги, въ которыхъ онъ быстро осво,
 ивался; а школа склонила усилить наклонность
 къ безплодной учености. Но природа надтилла
 его веселымъ, живымъ характеромъ и здоровымъ
 природнымъ остроумиемъ, которое преследовало
 своихъ педагогическихъ учителей всегда готовою на,
 смѣшкой и скоро раскрыло ему его содѣланный
 педагогическій наклонности; духъ протѣвствій про,
 никъ и въ школьную пыль; математика, естественное,
 знаніе и анакреонтическая поэзія помогли осво,
 дожить коному. Большой городъ, гдѣ онъ посѣщала
 университетъ, расширилъ его кругозоръ. Ему до,
 зволяетъ пресиде всего сдѣлаться теловѣкомъ и на,
 дивясь жить; онъ сзрѣлился къ французской и ук,
 сственной лобкости, предавался своимъ поэтичес,
 скимъ склонностямъ, сзрѣлся сдѣлаться клянецъ,
 киль холбертъ, водилъ знакомство съ актерами,
 пришелъ изъ-за зого въ сдѣланный съ радостью,
 скимъ дономъ и наконецъ покинулъ Лейпцигъ,
 чтобы искать счастья въ Берлинѣ. Прозиворочіе
 между педагогическимъ и теловѣкомъ играеть у
 него ту же роль, какъ у Виланда метаморфозъ
 и природа; но въ то время, какъ Виландъ не осво,
 дожилъ отъ этой единственной перемены про,
 делью, для Лессинга это было кономескимъ онъ,
 зомъ, который онъ скоро предалтъ.

Также слабіи и другія раннія пьесы Лессинга:
 „Der Misogyn“ (Врагъ женщины, 1748 г.), „Die alte Jungfer“

(Сэрард Давушка, 1749г.), „Die Juden“ (Евреи, „Еврей“, 1749г.), „Der Freigeist“ (Вольнодумец, 1749г.), „Weiber sind Weiber“ (Женщины как раз. — женщины, 1749г.) и „Samuel Henzi“ (1749г.) — неколонтеная трагедия во александрийских ерхалах. Мы осановились на ниль зольско немного на одной комедии: „Еврей“, но ея евази ея „Названомь мурдыль“. — Прилично одухом еврей спасает барона от разбойников; благодарный барон, забыв, что незнакомец правитель его дочери, предлагает ему ея руку. Тот отказывается и открывает, во какому презрительному народу принадлежит он. Барон во узнает озерунает; но он готов всяко своимь соорудителю вознаграждать своего спасителя; тот отказывается. Пьеса оканчивается моралью: „Белибы вы еврей были подобны на вас, — говорит барон, — какого уважения были бы они достойны!“ Незнакомец отвечает: „Как бы были бы достойны ^{любили} приехать, если бы они обладали вашими евоисвами!“ Как видно, во этой комедии „Der Jude“ Мессинга быцует христинский предразсудок против негасного народа, зольско-то вздолчившаго под благодарельного зерникозубо Фридриха, — народа, лучшего членов коророго авзорь научилась во Берлине уважать и любить. Мессинг не осановился на увеселении публики легкими шутками. Он хольво серьезно посчитав праведвенную пользу сценки и хольво доказав евоелму оузу, что не трагил евоей жизни на ну, ерва чьом. Это доказывает и его пьеса „Der Freigeist“

(Вольнодумец), въ которой онъ соисправлялъ Благо, родного геолога и почтеннаго свободнаго мысли, земли и показываеи, какъ послѣдній исцѣляеи оу своего предубожденія прокувъ духовныхъ мизъ.

Какъ извѣстно, Лессингъ оуправился въ Берлинъ прокувъ воли своихъ родачелей. Оу него издали са, мало дурного, боялись за его религиозность, за его правдивность: между зныхъ онъ пробивался скуд, ниль, но почтенниль образиль какъ писатель, писалъ рецензи, дѣлалъ переводы, издавалъ само, ездилъ съ произведенія, срихворенія и драмы. Едилъ словиль, онъ рѣшилъ зиль литератур, ниль зрудиль; зилько на первое время приняло ену нударба въ работ; скоро приобрѣли онъ литературное имя, благодаря соединеню въ своелъ миль многоеронней уметости и крупнаго м. зераурнаго таланта. Слои его, о гелъ бы ни пи. салъ онъ, оуилалъ замѣчательнаго правдивостю, просозой и силой. Въ спорѣ швейцарцевъ съ Тозмедомъ онъ сзалъ на сторону первыхъ, и лейн, цилскій профессоръ скоро поубервалъ еилу ударовъ насиматонцаго кризика. Но опасенія ро, дилелей Лессинга были все-таки не лишены осно, ванія; его правотѣе подверглое пенязаниль, изъ которой оно не вышло невредиль. Векоръ по прибузи Вользера въ Берлинъ Лессингу при, тилое беруи въ 1750г. сперва въ Близкй, а по, зиль въ непрѣзненнаи оуношенія съ великай, шиль литературониль его вика - илсно Вользерониль. Не окончившй курса лейницилскій студентъ позна,

пошлелся с другом короля Пруссии через одного
 француза, с козорины оны сближился для прак-
 тики во французском языке. Волтеру Мессинга
 были известны, как переводчик и хороший стилист,
 и покоем вранд Волтера приглашал его сие,
 дневно къ обеду. Трогательная выгода для юного на-
 писателя! Пользоваться заслуженной бестой первого
 писателя югостанней Европы, быть гостем друга
 короля: какая перекривка удивительной похвалы
 и чести, прозекии и рекомендацни! Но по
 взглядам его родителей, и какая опасность
 для его души! Велики Мессинга собрали свои югостан-
 ние таланты и надежды, зо оти конечно показали
 бы еще большее сходство с поручителем Волтера.
 Ему хотелось сдаться свободным писателем,
 ему хотелось вникаться во немецкую литературу
 на ее кафедры, а не давленно охъ университет,
 кафедра, какъ Волтер, добрялся только своему
 перу. Волтер написал собою для журнала:
 оны рекомендовал во всем безпристрастие; во
 философии — уваснение къ великим мыслям;
 во истории — особое внимание къ культуре и бла-
 готворное отношение къ новейшим временам;
 во поэзии — быстрый анализ, озорозитное суж-
 дение и сравнение с другими существующими
 творами на эту же тему; вообще во эстетической
 критике — сравнение сродных вещей, которое оны
 сравнил по научной критике паравно с сравни-
 тельной анатомией. — Журнальный способ стилистический
 Мессинга согласуется с эстетикой собою: оны не

держался никакой партии; в философии, как сам Вольтер, он привык к великим предвзвешенностям; в эстетике он всегда применял индуктивный и сравнительный метод. У него в то время было много друзей, которых впоследствии не ударило, между тем как история литературы его долго привлекала. Физические науки, которые популяризировал Вольтер, Лессинг не осуждал втайне; и он не предпринимал своих усилий ни в поэзии, ни в романе; но он раздался с Вольтером преобладающею любовью к драме и осторожностью в сценической реформе; в удачении от положительной религии и в предвзвешенности религиозной терпимости они совершенно сходились; и в семейной, простой прозе, которая прямо, равняющаяся к каждому движению мысли, Лессинг мог бы научиться у Вольтера, если бы она без этого не была бы ему свойственна. (X)

Но добрые отношения между обоими писателями прервались и образились в неприязнь вследствие того, что Лессинг, получив для прочтения нечаянно произведение Вольтера (*Discours de Louis XIV*), не сохранил тайны; Вольтер заподозрил его в безсмысленных намерениях и отказался от дружбы его ввиду, в том числе и через короля, итак, последовал разрыв, который впоследствии должен был быть очень вреден для Лессинга, всегда как тайный враг и засада и уничтожил лучшую надежду. Но и без этого разрыва не в характере Лессинга.

еинга было легко поддаваться чуждому влиянию: на столько же надъ религіей не имѣли никакой силы надъ его душой, а слабѣе пункты въ личности Вольтера были слишкомъ очевидны, чтобъ у, сколько нибудь оза такого острого наблюдателя, какъ Лессинга. Если Вольтеръ учился у древнихъ, то они были открыты и для него. Если Вольтеръ учился у англичанъ, то и она noch едвала за нимъ досе и подобно Таллеру, Тагедорну и Клон, штокку черпалъ изъ изобретения. Поэтому и Вольтеръ былъ для него только рывагою для самоотверженности. Хотя, какъ въ Лорешель, такъ и въ дурнои, отношеніе Лессинга къ Вольтеру есть многозначительная черта его жизни, то все-таки онъ — Лессингъ — едвала въ Берлинѣ не забывши, а самоотверженности, и, то еще болѣе, онъ съ своей стороны литературно освободилъ Берлинъ. Молодой саксонецъ едвала прусскую столицу изъ колоніи швейцарцевъ самоотверженности литературными цензурой; онъ далъ новыи зоры кризису. Знакомство Лессинга съ Вольтеромъ и имѣе сеора имѣли роковое влияние на господство французской литературы въ Германіи: близко и по домашнему узнавъ царя французской литературы, имѣецъ-кризисъ уже не могъ благо, врозь ни передъ нимъ самимъ, ни передъ его литера, турными казализисомъ. Но имѣе соискатель, то бестыи съ Вольтеромъ и развили Лессинга, при, дали ему самоуверенность и укротили его въ патерналистич по прикору Вольтера служить челою.

театру и родины зольско перомъ.

Въ 1754, или 1755 г., вышли театре гасри соги, некий Лессинга, приидръя кризискою и публикою съ соугезвель, ^{его} тиривескйя и драматическйя про. изведенія были приислены къ „лучшимъ украше. ніймъ германскаго Парнасса“, а абзора ть признающа, „однимъ изъ писателей, приислущихъ славу своему оуездру: Свало-бура, Лессинговъ были уше знаменитыиъ теловскоимъ, кризискомъ, козорого бодилес, и позромъ, козорому удивлялес. Его маленскйя ама, креонизическйя повести олозно пшлелес и „Das Tod“ (1748) Гурсон, Витан, Контъ йрѣ члѣнѣван! Гурсон Витан Тист Тис Титѣван, (Walden im thier Francken im!) Ром Тис Тод Тѣ Тис Тисван — сильная засралбная повесть, гдѣ къ нему являеся смерть и ему удаеся надуръ смерть, сохранилаея среди судензовъ и до сѣнь поръ. Его поэтическйя баети подраснали широкому раз. говорному зону Теллерга. Его Эпиграммы, правда, герпали много нр чумитъ мерочничковъ, но въ шибко рѣдко оуездруецеръ мюзкад Эпиграмматическая др, кооръ. Оувиски гудакзическйя срилозвореній гасро показывали Таллеровскую краукоеръ буро Таллеров. ской зелькооръ. Въ „Писемаль“ (Витан) и „Защиталь“ (Rathgeber des Koenig) говорило ученый, козорый члѣмъ некучено воспользовалелся многозорономъ зма. ниймъ для неправленія засралбныхъ заблуденій, для рѣзкаго порицанія современной посредствен. коужи, для оправданія несправедливо очеркѣннхъ великитъ шенъ прошлаго. Но въ особенности драматическйя долменъ были безцеловно замѣлр первое

много среди его немецких коллег. Это малень-
кий комедии были больше французских, чем
Теллеровских; но близко прильнув к гудной
земли, он вообще научился землице: за все
было прочно и верно, всякая часть дозвуга-
лась, вся заведошла вперед: хорошо постро-
енная сцена, хорошие декорации, удачные, хотя
отчасти еще условные фигуры. Обширное пе-
решеское знание театра всяких наций помогло
его содействовать творчеству: комедия Der Schatz (Клада)
(1750г.) перешла в новую на новый лад комедии
Клавза. (X)

Переходная драма (Uebung der Dichtung), или
песня переходного периода автора — Miss Sara
Sampton (1755) и Philotas (1759). Когда Лессинг
спаралел найду новейшим творчеством для своего
Меден, он пришел к своей первой трагедии Мисс
Сара Самптон. Это было первое приращение к
дrame гeорин Дидро (Denis Diderot, 1713—1784), что
драма должна, вконец героев и полководцев,
изобразить человека такого, какъ мы все, въ
закой обстановке, которая знакома всякому изъ
содейственного общества. Конечно, Мисс Сара Самп-
тон была написана двумя годами раньше по-
явления въ свету первой драмы Дидро изъ круга
средних классов. Къ созданию этой своей пер-
вой серьезной пьесы Мисс Сара Самптон Лес-
синг давно уже подготовлялся изучением
английского романа и драмы. Возь вкратце со-
держание: непосредственным содержанием — богатой

Меллефонть

молодой аристократъ (соблазнилъ обобщающимъ же, нибудь героиню, дочь баронета сэра Саймонса, ко, зоряд убьтала съ нимъ изъ дома родивельскаго. Меллефонть некренокъ модиръ Сару, но бовзед не, разрушительнаго изъ брака и кровно зого гувезу, ерь себя свдзаннаго своимъ презимимъ озно, шениемъ къ кокерку ввотъ м-сь Марвудъ, козоряд унозредлель въ весь цесидя, тмобъ зазравизъ его вер, нурскъ къ ней. Когда Марвудъ видиръ, что весь сра, рания ед напрасна, она угрозиръ убьтъ своедиръ и днйствительнаго изъ меери озравлель своего со, перницу, несаеуичю Сару, козоряд умирель со, словами прощения своей убийцы. Меллефонть въ озгидниемъ убиваетъ себя, восклицая: „Какид страннаго гувезуа обуреваеи мена! милосердия, Создатель, милосердия.“ — Эри презрительнаго, узнае, какъ и досройнаго созналонид фигуры, сирдзан, ный въ англійскид маски, предзаблени по об, рациу англійскихъ пеев, въ нимъ легко узнаеи видниа „Кларисса“ Рилардсона и драмы Мил, ло „Лондонскій купецъ“. „Miss Sara Sampson“, въ прозаическомъ, зротаделскомъ и многословномъ, часко рязкомъ диалогъ, была напалонъ издан, скою трагедии въ Тернатин, зои трагédie bougeoise, озъ козорой пькогда факъ наезойливо предоезере, галь Воибзертъ, но козоряд зенеръ подъ видниемъ Лессима зотлаъ же бошла въ унозредлениа, озгьести, ла Александрійскую трагедии и срада господервоваеи въ репертуаръ. Сзрелениа ко природо и нежини, убьтани, дениа, тмобъ люди повтймага Бюрсерскаго или дворянскаго

общества сильное будущее трогать сердца театральное, публики, чтобы судьбы древних королей и государей, желание поклониться с идеальной отдаленностью французско-классической трагедии, — желание, которое во Франции привело уже к *comédie vaillante*, *chanté*, т. е. к трагедии с газетными лицами и хорошими исходами, к *„Bürgerlich“* в немецком смысле: весь этот пошлый вымысел могли вводить в жизнь новый род драмы; но весь вымысел не был достаточно силен, чтобы предохранить пьесы этого рода от пошлого разреза на кусочки слезы и от погружения в ничтожество будничной жизни. Мисс Сара Сампсон — это — слабейшее из крупнейших произведений Лессинга; во время идеальности, здесь сказаны, очевидно, и не романически даже перевернутое действие на немецкую почву; а только не легкие и эта пьеса предсказывает собою крупный шаг вперед во всемирной литературе. Это — облик, тип драматической поэзии с жизнью и открытым будущим прозывающего французского классицизма; вымысел александрийского круга здесь проза обидчивой речи; вымысел царей и героев — обильное свержение, члены современного нам общества. Короче сказав, здесь во первый раз в Германии с чуждой выдумкой драма в современном смысле, для которой и генерал и другие специальные названия и которой тогда придавали особый кличку: *„мюзантская трагедия или слезная комедия“*. Для Лессинга, *„Miss Sara Sampson“* замесила одну эпоху его жизни и творчества: в то время

какая публика ему рукоплескала, самъ онъ уже
сравнилъ себя болѣе высокимъ цѣлимъ.

Полн періодъ (съ 1756 до 1772 г.)

Чтобы войти въ сношенія съ лучшей сценою, осенью
1755 года Лессингъ снова отправился въ Лейпцигъ. Тамъ
— какъ мы знаемъ — представился ему случай къ путешествію,
теперь. Но взрывъ Семилѣтней войны перервалъ уже
наладку поѣздки: въ октябрѣ мѣсяцѣ 1756 года Лес-
сингъ вернулся въ Лейпцигъ и стался заочно
одушевляемыи центромъ. Его старый другъ, Эрнстаинъ-
Фридрихъ Вейсе, стараясь, какъ пресиде, у него учился.
Молодой фонъ-Трабе развился по его образцу. Эвальдъ
фонъ-Клейеръ, генеръ майоръ, командированный со сво-
ими полками въ Лейпцигъ, сталъ его близкимъ дру-
гомъ, бросилъ подъ его руководство въ отставкѣ
поэму и перешелъ къ болѣе богатой импровизаціи поэ-
зи въ эпической или драматической формѣ. Война
привела весь умъ въ движение, возбуждалось, что дало
идею о національности драмы; борьба съ французами,
побѣда при Росбахѣ возбудила неопределенное мнѣніе,
не; поэзія получила сразу великіе советы и советы
близко; ей не трудно было искать своихъ героев въ
далекомъ прошломъ; и если сильно утѣшенъ
король, котораго она прославляла, именно генеръ по
даръ какому-нибудь Тогманду возмужавшему открыто хва-
статься его похвалою, то это конечно было рѣшило Богъ,
Меранъ и Зулцераманъ, да и Лессингу не было неудобно,
свѣдѣть: по національное возмужавшее литературно, ко-
торому дали сигналъ подвиги Фридриха, несколько
ишь-за этого не озабочивалось. Лессингъ, родомъ саксонецъ,

баль душой на стороне Фридриха. Другой саксонец,
 намъ уже извѣстный Кесслеръ, Бивинъ въ то время
 уже въ Тюрингенъ, прославлялся въ нѣмецкихъ
 и латинскихъ университетахъ бурбу при Росбаха.
 Было много, которое много разъ высказывалось, что
 Фридрихъ выше Цезаря. Э. Клейеръ военнымъ своего
 короля и прусское войско; и смерть за озеромъ, коро-
 ромъ отъ для себя желалъ, стала его долей въ сраженіи,
 нѣмъ при Кунерсдорфѣ (1759). Памлеръ импровизовалъ
 свои героическія оды въ честь славной войны
 и показывалъ себя прусскимъ Горациемъ. Гогаповъ.
 Гогландъ Вилламовъ старался прославить въ здѣшнихъ
 нѣмъ университетахъ Фридриха - героя, государя, мудре-
 ца (von Gulden, von Finken, von Anhorn) и зажилъ
 образцы сталъ прусскимъ Пиндаромъ. Въ ми-
 нуту Анны. Луизи Кармина или Каринъ венчала,
 но издрѣвъ германиологиче того времени, и прусская
 Саффа, которая, однако, при недосказанности образова-
 ній и скоро избаловавшись, не пошла дальше ту-
 ского римоплетерства. Третье говорили еще много,
 хорое другіе, образованные и необразованные, не-
 многие призванные, много не призванные. Но
 безусловно удачно воскресилъ Глеймъ, его, Воянъ,
 нѣмъ тѣмъ пруссака гренадера впервые появился
 въ 1757 и 1758 въ лезуинъ мезукаль, а въ 1758 г. со-
 бранный съ предисловіемъ Лессинга, озвучили но-
 вое національное направление нѣмецкаго поэти-
 ческаго чувства и нѣмецкой лирики.

Веселая поэзія нѣмцевъ никогда вполнѣ не
 утратила связи съ популярной нѣмцей, отъ которой

она произошла. У Тагедорна эта связь ясна, а Тлейма, который прилепал к направлению Тагедорна, уже рано сочинял площадные коммические романсы, для которых он брал образцами испанца Тон-горю (Luis de Gongora у Argote, 1561-1627) и Француз-за Конкрифа и которое он драматизировал только распространял при посредстве площадных певцов. Клоуны же в своей тоске на Фридриха Великого взяли популярный ситовый жонгль и устроили замечательный английский размышль Баллады. Именно этого размышль, который он снабдил жонгльскою свободою, мы риднами, выбрали Тлейма для описаний сражений, которое он вложил в уста одному из героев; и эти военные шествия явились замечательными, пламенными, чудесно сценическими, и впереди и боковыми драматизированы. Искусственный беспорядок классической оди били-устремлен, все огульное и скачки брошены, принадлежность огульного и блеском, даже-огульное украшающую Эпизоды и без дальних выходов разсказаний называют вещи или шествиями. Если он иногда слишком распространяется, если у него возмущаются грубые или безвкусные обороты, то все-таки он доживает, еще наивысшего чашею удачливый карриеры и образы, хорошо переносит в лирику же Эпические элементы, без которых не может обойтись, потому что говорящими бога или короля или его генерала, любви, умнее быть то возвышенными, то наивными, то комическими, и никогда не забывает, что он должен говорить как записочкованый, как угаданный.

въ борьбѣ. Такиими образомъ Лессинга можно указать, какъ особенное литературное явление. Гретадеру, по-настоящему приписавъ его къ народу, который въ эпоху его жизни охваченъ всегда по крайней мѣрѣ на полъ-срачарид, и француженско устранивъ сужденіе о немъ по французскому вкусу. Напротивъ того, онъ напоминаетъ о „Бардахъ“, о поэмахъ коро, рить можно судить по произведеніямъ древнихъ северныхъ скалдовъ, онъ не забываетъ и новѣйшихъ „Бардовъ“ вѣка ^{Тому} Штауфенберга; онъ приводитъ для сравненія или наивнѣйшій языкъ, или первоначальный иль, менѣе сложнѣйшій мысли, и такиими образомъ въ саксонскій духъ предугадываетъ не только доэпохическую національную и народную поэзію, но также величій эпохи итальянской и германской литературы.

Такиими объясненіями Лессинга сопровождали „Военный эпосъ прусскаго Гретадера“ и эпосъ давалъ отчасти желательное, отчасти сомнительное поощреніе, давшее въ когорту уже вѣкомъ стало затухающа, когда древняя поэзія и мимнезисты получали новое вліяніе и когда желаніе оживить германскія Бардовъ удовлетворялся Кельтскими Оссианомъ.

Видяща одобреніе, которое возбудила военная лирика Гейна, имѣло слѣдствіемъ много подражаній, въ когорты болѣе высказывался твердый патриотизмъ, чѣмъ національное чувство. Саксонскій амакренондистъ Христианъ-Феликсъ Вейсе, которому не приходило въ голову никакаго славы дядни, сочинилъ въ 1760 г. свои „Магненсиды“

(Амазонский эпос) без отношения к какой-либо, будь войне, подразумевавшей подвиг амазонской дивизии, к которой у коронера есть солдаты возмездия; и доказательство, что лавры народной мудрости, которыми он был в союзе с собирателями, росли только на почве народного творчества, а позднее, во времена своего оплодотворения, он был дивизией собран. Шлезвигско-голландский анакреонтист Генрих Вильгельм Фронт-Терезендерв издал в 1762 г.

Военный эпос датского королевского гренадера (Königliche dänische Grenadier).

Цюрихский геолог Лафазер, ученик Бодмера и Брейдингера, издал в 1767 г. Большой, хотя не продолжительный эпос со своим Швейцарскими песнями (Schweizerlieder). И еще в 1770 г.

за знаменитых прусских гренадеров захоронены в австрийском кирасире, а в 1778 саксонский драгун.

Но от этого гренадера исходит еще другое и гораздо более общее творчество. Как только мы, эти популяристы, благодаря ему, новую народную поэзию, народная поэзия вообще сформировалась и все дорожке. У нас Тагедорн, далее Торнманн и Вальдау отнесли к лирике гренадера народную поэзию на половину с учеником, на половину с поэтическим творчеством. В кругу Лессинга эпоха и интерес продался, как доказывают Письма Лаплайца Ф. Фронт-Клейера. И если Лессинг ^{сам} не сообщалось бы при прекрасном лирическом датском, то при эпохе сказались и другие творческие, которыми с радостью указывали, что поэзия рождается во время

1) В. Фронт-Клейер, in: Handbuch der Literaturgeschichte, 1759. Сравните „Die Kunst der Poesie“ (или также относительно новейшей лирики). — 33-е издание.

Киммазайты и что шивий цубеуваваній вовсе не
 созривляють привилегію образованности народовъ.
 Уме Аддисонъ указавъ на англійскую похвалу,
 ную поэзію, и это указаніе попало на хорошую
 почву у Клоппзюка, Глейна и другихъ, и поэтому
 англійское собраніе балладъ епископа Перси было
 принято со всеобщими восторгами, а самизинтавалъ,
 на германская поэзія кельтскаго происхожденія,
 которую Макферсонъ удавалъ въ связи подъ иже,
 кельтска Оссіана, долина была найди у восторженно
 настроеннаго поколѣнія поэтовъ грезивающа шумъ,
 ное одобреніе. Около того же времени стала легка
 дозвѣна одна гавръ Эдда, Благодаря, Иероним Даниль
Фаллера и ян нѣмецкому переводу, а въ 1766 г. Гер-
 сренбергеръ своимъ Сказаніемъ скальда (Фидль
книга Skalden) ввелъ въ нѣмецкую поэзію савер,
 но нѣмецкую мифологию. Клоппзюкъ, которій давъ,
 но называлъ себя и своихъ друзей, бардани, поетъ,
 довалъ за ними въ зрѣнь и началъ издавать свои
бардицы. Франскій іезуитъ Денисъ, какъ же какъ
 Герсренбергеръ ученикъ Клоппзюка удалека, перевелъ
Оссіана гекзаметрами и подразналъ ему, отъ и
 Клоппзюкъ снова началъ подразнаемъ, и закинулъ
 образомъ поетъ того, какъ Салмитаундъ война уже
 давно кончилась и вобще не было въ мирѣ никакой
 войны, возникла за неопредѣленна, подготовленъ,
 на уже у Вейссе боевая поэзія съ ян, Ан и О
Ма и другими немисимыми шумомъ, которій заки
 извѣстенъ подъ иже Варденгебулл (Рѣвнскіе
бардцы).

Лессинга, озабочившийся холодно ко всему возмущен, новому задору, который от него отлагали сами вызвали, со своей стороны и в своей сфере давно убаюкивали на, родную поэзию и задавали себе вопросы, нельзя ли заимствовать у Гюго и Гюгено и воззвания к связи с сардинской драмой озабочивающихся актеров, ко, которую мнимый диктатор так преступно унизил, шиле. Лессинга звали пародию драму о докторе Франсуа и задумывала приобрести загадочного док. зора для правильной сцены. Этого хотела наполнить его сражением влечение к нежности, но в конце концов вырвать его из ада: потому что (как до, меня были в заключение объявлено ангелом), Боже, сего не для того дано человеку благороднейшее искусство, чтобы навредить его счастью, но чтобы. Этот план заинтересовал Лессинга почти в одно время с „Miss Sara Sampson“ и еще долго занимала его: она носилась даме с двойной обра, божской стожига, привели одна половина была сохра, нить традиционному гербовскому одеянию, а другая половина была обдувает Бучь ней. Но отсюда, мест проехали, а вскоре его франкозией овладели народнице, Семилетняя война: она дала новые импульсы и его мысли.

В прозаических одах к Тлейму и Клейму Лессинга коветно воспевают прусского короля и не могли угадать горького взгляда на саксонский дала. Военная повесть спартацев, лаконическая, сухая, сглажен до необходимых понятий, показыва, ешь новое направление его вкуса. С этого же дня на,

конизмомъ изобразилъ отъ въ небольшой драматъ:
 'Philotas' ипотного царского сына, который для бла-
 га своего охотился умерить владыку себя, чтобы не
 послужить врагу ипотныхъ залосниковъ. Италъ
 же лаконизмомъ складывается были его прозаиче-
 скія, эпиграмматическія басни (Fabeln), которыхъ
 отъ теперь издалъ: за эпическая поэма, которую
 басня получила въ рукахъ Теллера и Тейма,
 особенная выработка, которую она получила бла-
 годаря счастливому юному пруссаку Михуверу
 и зоркому наблюдению природы у швейцарца
Мейера Фронт-Кнонау, все это было зрелое сочиненіе
 озвергнуто. Эрозъ мелкій поучительный родъ лири-
 ческой, грезливо возвысившейся на короткое
 время, долженъ былъ быть возвращенъ къ своей
 первоначальной, почти эпиграмматической цѣ-
 ли и не долженъ былъ больше расширяться
 въ виду зого глубокаго національнаго возмущенія,
 которое озвергало вѣдкое самодовольное увлече-
 ніе пущаками. Но именно въ эту вышнюю
 крайность Лессингъ умѣлъ вложить глубокое
 содержаніе, что въ нибѣ находилъ озвучку силь-
 ный движенія пламенной души, что въ эрозѣ
 противоположенія ипотного и логичнаго вели-
 чія, иеринивѣ или драбнививѣ заслугъ, въ эрозѣ
 борьбѣ противъ логичной вышности, противъ ли-
 чности и метафизическаго озразноженія міра,
 возмущеніе и низменный озвухъ абзора, италъская
 мысль и гордое пуберво содуривеннаго дозрочивства.!!
 И затѣ какъ его въцѣхъ удаленія зрелое озрѣ ходѣ.

1) Это въ эрозѣ мелкнхъ произведеній видѣтъ своеобразный талантъ
 Лессинга. Его басни озриваютъ оригинальности повѣданія и взгляда,
 дами.

ниль идеаловъ, замъ какъ оное въ сраженъ о баски
 оспаривали господствующащю зворитю, и въ немъ
 все рьшительныя поднималось предугвезвие но,
 вого времени и искусства, го ему казалось, что при,
 темъ несодвигнъй можеть, чтобъ въ полизумескнхъ
 тревогахъ, которы не давали думать о цѣльной
 работѣ, пригозовишь сначала много для поэзи
 будущаго, небольшими журнальными подобави
 воздержавъ плодотворенъ кропачелн, а способная
 головы направивъ на досройный цѣли, описавъ
 эсезическй пондзид, и среди чрезвычайныя ег,
 бжзид, которы приводили къ резонерезву и хва,
 суровезву, поддерживавъ какъ въ публикѣ, замъ и
 у абзоровъ итересъ къ лизературѣ. Но все это
 могло бжзъ предприимъго зомько въ Берлинѣ: оное
 озиравишея снова туда, и замъ, въ Январѣ 1759 года,
 ежали подвдлреть „Literaturbriefe“ („Литературная
 писема“). (Вънсъкъ съ книгопродавцель Николан осно,
 валь оное зромъ журналъ, но думото зтого издамид
 естлалел Лессингъ, изъ сраженъ котораго почти исклю,
 чительнo соеавлены первая его книжкы, озликав,
 мидел особенного тесзочкоезго своихъ нападеннй.
 Онь зверго установилъ зомъ зрнль писемъ, томъ
 болзливаго, оуручнмаго писемнмаго слога, зомъ
 цусарскаго нариска, стилой озкровенноези и нрав,
 дивоези, котора бжзъ обиндикотъ дурное называло
 дурнмъ. Уоне раньше Лессингъ аднасадки, въ своемъ
 „Vademecum für Samuel Gottfried Lange“, можеть
 бжзъ съ немъзномъ запалгивоезго, каналь погод,
 номъ образомъ на неудачной переводѣ Торазид и

навсегда уронит въ общесудебности мнѣніемъ его
автора, покровителя севремаго швейцарца и
предсудебника Клоппера, пастора Ланге, ками
изъяснителя изъ скаррой школы въ Тамле. Теперь
онъ принялъ подобный, ходъ и не срамъ онезо-
кій переходъ къ болѣе широкому кругу малкиль
писателей и францишскихъ тенденцій. Дви. Лизера,
журналь писемъ будро бы писатель къ одному ра-
нѣному образованному офицеру. Въ „солдатского
откровенияхъ“ другъ офицера, сурьдичийся др.
мартъ его ан сонантъ всего сколько нибудь замѣть,
чарельнаго, что пезааредъ и чизааредъ, подвергаетъ
рѣзкой критикѣ какъ крупное, замѣть и малкиль
фрагмѣтъ немецкой литературы и указываетъ ему
на многое, что находится, замѣть сказанъ, въ не-
справедливомъ законѣ. Здѣсь Лизера уше совер-
шенно свободенъ отъ вкуса какой бы ни было
школы и являетъ самоездрельство и вели-
кую итальянскую критикомъ. Онъ зредуетъ иерни-
пой и национальнотъ поэзіи, независимой отъ
Франции и ея классицизма; онъ указываетъ на
Макспира, какъ на величайшаго драматурга,
Бранизъ французскую драгедитъ, зредуетъ уваженія
и вниманія къ народнотъ поэзіи, въ скаррѣ
несправедливо забытѣ итальянскихъ поэтамъ.
Онъ осмѣиваетъ плохихъ переводниковъ и ремѣ-
ленниковъ писателей. Онъ не только указываетъ въ
поэтическомъ дарѣ и изумительномъ вкусѣ Гюгю
и Гюгюдианца, не только срываетъ маску Бла-
гошезидъ съ Виланда, насмѣиваетъ надъ его эле-